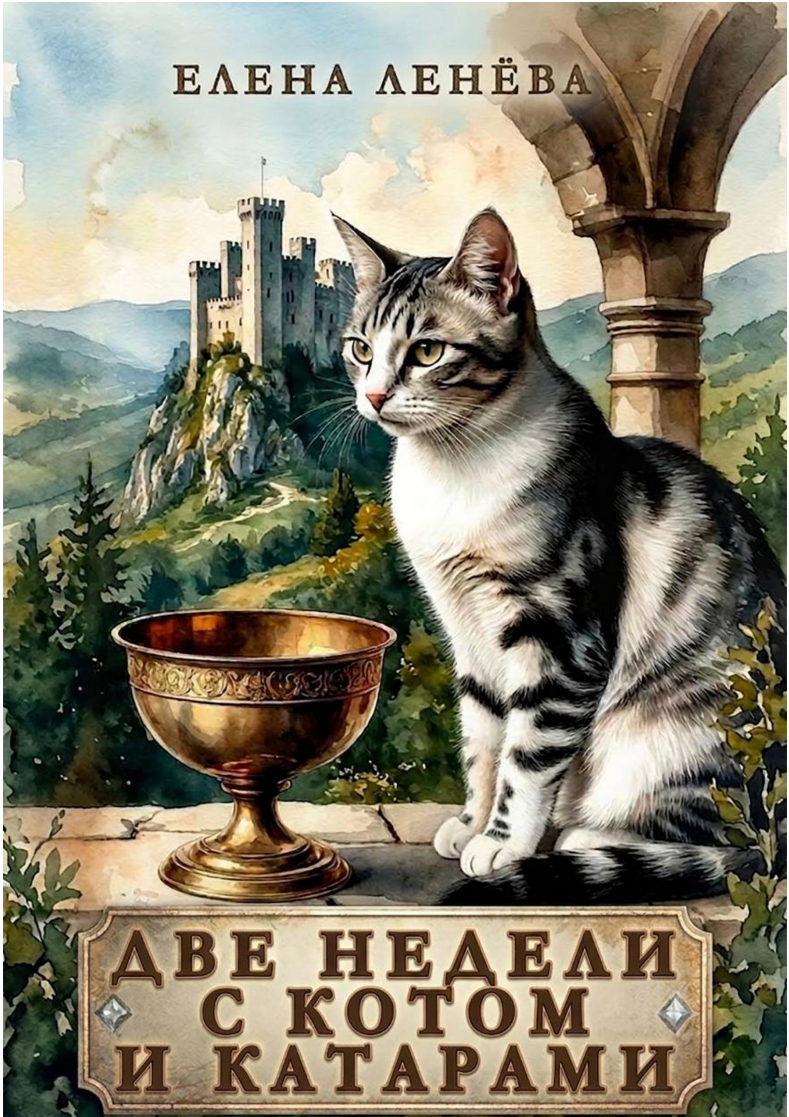

ЕЛЕНА ЛЕНЁВА
ДВЕ НЕДЕЛИ
С КОТОМ
И КАТАРАМИ

Елена Ленёва

Две недели с котом и катарами

https://litres.ru/74260058
SelfPub; 2026

Аннотация

Вестготы и катары, тамплиеры и франки... Руины древних фортов, готические храмы и средневековые крепости, где до сих пор бродят тени рыцарей и пылают костры Инквизиции — в Лангедоке каждый камень дышит вековыми секретами.

Профессиональный профайлер Михаил Романов приезжает в Лангедок по просьбе бывшей однокурсницы, попавшей в беду, и мгновенно оказывается в самом центре исторических мифов и современных загадочных смертей. Нити средневековых трагедий пересекаются с преступлениями сегодняшнего дня, а нынешние убийства — с поисками заветного Грааля и древних пергаментов Меровингов.

Сможет ли Михаил защитить семью женщины, которая невольно стала ключом к древней тайне? Мистическая ментальная связь с собственным котом помогает Романову пройти этот изощренный психологический лабиринт и распутать узел, завязавшийся много веков назад.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ 4
ЭПИЗОД: 1217 год. Лангедок. Графство Тулуза 43
ГЛАВА ВТОРАЯ 50
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Две недели с котом и катарами

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кот

Кота звали простым именем Вася. Откликался он на Васеньку, Ваську, Василия, Васю-Царя и Вась-Михалыча. Отчество кот получил от папы. А папу, соответственно, звали Мишей.

У кота была персональная дача — так назывался двухэтажный Мишин дом с верандой, садом, газоном и декоративным колодцем. В колодце Вася обожал прятаться летом: от изнуряющей жары и папиных подружек.

Дачу свою Вася очень любил. Но иногда сбегал на два-три дня, отчего у Миши начиналось волнение. А чего волноваться-то? Ну, уходит Василий в загул: ищет приключений, дерется с местными котами за территорию и кошачье внимание. И получает от них тоже... иногда очень даже ощутимо получает. Мише потом приходится таскать его к ветеринару: то с раненой лапой, то с прокусанным хвостом или расцарапанной мордой. Однажды соседский кот Борька сильно

его потрепал. Но ничего, Вася вскоре отомстил — на следующий день уже Борькина маманя везла его к доктору. А как он хотел?! В другой раз дети из крайнего дома обрезали ему ножницами усы. Хорошо, что состригли только справа, Вася успел увернуться от дальнейшей экзекуции. Неприятно было, конечно, но ничего, Василий пережил. Миша тогда страшно сокрушался, повез Васеньку в ветклинику. Ветеринар на всякий случай просветил кота специальной лампой, подозревая лишай (от этой заразы усы тоже могут обламываться), но потом успокоил бедного папу: Вася чист, лишая нет, а усы скоро отрастут.

Есть один минус в проживании на даче. Всех дачных кошечек их мамы и папы зачем-то сте-ри-ли-зуют. Издеваются над животными, изверги! Кошечкам в поселке повезло меньше, чем котам. Здешние коты — все как положено коты! Но попробуй теперь найди себе подружку! Вот и приходится наламывать километры до соседних деревень в поисках любви!

А Миша волнуется, ага! Ему-то чего беспокоиться? Он молодой и красивый. Очень красивый у него папа, прямо как Кристофер Кроуфорд. Кто это такой, Вася не знал, просто услышал однажды, как очередная подружка болтала по телефону. Мол, Михаил невероятно хорош: брюнет с голубыми глазами и такой улыбкой, что взгляд не оторвать. Вот тогда она и вставила: очень на Кристофера Кроуфорда похож.

А еще Миша умный. Это Вася и без посторонних знал. Он чувствовал, что девушки боятся его ума или, как они вы-

ражались, психологии. Миша вообще был не совсем таким, как все… это кот тоже понял из разговоров болтливых подруг. К тому же он спортивный, раньше занимался каким-то непонятным спортом. А раз он такой красивый и умный, то ему совсем не трудно найти подружку. За три года Василий насчитал шестерых. Это только те, которые появлялись у них в доме. Кто-то задерживался, кто-то уходил сразу. Анжелка, вот, задержалась. Васька ее не любил. Настя ему нравилась больше. Но что-то у Миши с ней не заладилось.

Вася считал, что им вполне комфортно жить вдвоем, но Миша не разделял его мнения. Поэтому Вася решил, что надо хотя бы подсказывать ему, какая из подружек им подойдет, а от какой лучше отказаться. Вот Настю он бы принял. Но в этом вопросе не он решал. Во всех остальных — кот это знал наверняка — последнее слово было за Вась-Михалычем. Он не наглел, конечно. Но уж если Миша не сильно разбирался в каком-то житейском вопросе, Вася не стеснялся и объяснял, как ему поступить и что делать. Он смотрел *своему человеку* в глаза или просто сидел рядом, тихо урчал и телепатировал *правильные мысли*.

Вот и сейчас Вась-Михалыч развалился на диване рядом с папой, делая вид, что спит. Тот машинально его поглаживал и что-то читал в своей электронной штуке, которую он называл айпадом. Анжелка гремела посудой на кухне. Она готовила сладкую вкусность и почему-то злилась. Кухня у них находилась тут же, в гостиной. Сейчас так принято у людей:

и кухня, и диван в одной большой комнате.

У Васи стоят личные миски возле холодильника. Спать ему разрешается где угодно, даже в постели с хозяином — если, конечно, у того нет в это время подружек. Только с Настей он умудрялся пристроиться в ногах, чему она не противилась совершенно. В туалет Василий ходит строго на улицу. В любую погоду. Прошлой зимой лютовали морозы, но он все равно требовал открыть дверь. Негоже нормальному животному держать в доме лотки для этих дел. Он кот, а не изнеженный котик.

Когда Миша уезжал в командировки, за хозяйством присматривала либо Мам-Оля (мама Миши, она приезжает из Москвы), либо соседка тетя Маруся. С Мам-Олей проблем не возникало в принципе. Они сразу сдружились и даже спать стали вместе. Она называла его Васенькой и Моим-сладким-котиком. Вася великодушно позволял ей эти нежности, тем более что они подкреплялись чем-нибудь вкусненьким. К слову, Мам-Оля выглядела отлично: в свои шестьдесят казалась лет на десять моложе — стройная, с каштановыми волосами и такими же голубыми, как у сына, глазами. Про ее возраст Вася узнал из подслушанных разговоров... люди вообще много болтают. С ней кот бессовестно объедался сметаной и ряженкой — вкусной розовой амброзией, ради которой можно притвориться «котиком».

Теть-Маруся была пожестче, но и с ней он находил общий язык. От соседки пахло собакой Вестой. Вася хоть и

морщился, но терпел. После очередного бегства от соседской собаки и вынужденного вскарабкивания на березу Вася решил: хватит! Спустился и провел с ней сеанс телепатии. На удивление, сработало! У него с Вестой установился нейтралитет: они просто перестали замечать друг друга. Теть-Маруся удивлялась столь разительной перемене, а Миша гордо пожимал плечами: это же Вася, Василий! Он и собаку укротить может. С тех пор кот мог спокойно пролезать под забором и пересекать соседский участок без всякого опасения, даже если Веста разваливалась прямо посреди двора. Он шел мимо, кивнув ей «здрасьте», и все. Собака делала вид, что занята созерцанием облаков. Ну и отлично.

Что еще интересного у них в дачном поселке? Главное — здесь жили не только люди. Вася насчитал восемнадцать собак и тридцать девять кошачьих хвостов. С местными котами порой приходилось разбираться. Бывали определенные периоды в году, когда на узкой дорожке им лучше было не встречаться. А в остальное время Василий их просто игнорировал. Взаимно, впрочем. А вот с двумя очаровательными кошечками он искренне дружил.

Мамы-папы у всех были разные. Больше всех повезло кошке Хэнси. У нее оказались чудесные родители, особенно мама Вера. Она всегда угощала Васеньку вкусностями, когда тот заглядывал в гости. А заглядывал он часто. Их дом стоял у самого пруда, а пруд — любимое Васино место для прогулок. Еще он обожал, когда Вера провожала его до дома. Она

любила вечерние прогулки, и Вася караулил этот момент, пристраиваясь рядом. Он шел в ногу, мурлыкал и терся о ее щиколотки, а она смеялась и ласково с ним разговаривала.

Но такого папы, как у него, не было больше ни у кого. Васе повезло неимоверно — заполучить подобного родителя считается настоящей удачей. Жизнь до встречи с Мишей Вася помнил смутно: маленький, одинокий, как-то выживал на улице. А потом просто забрел в этот дом, да так и остался. Пришел грязным, голодным и, как выразилась одна из папиных подружек, «совершенно беспородным». Но Миша не выгнал его. С тех пор они и живут вместе. Наверное, кошачий Бог все-таки существует, и в тот день он дежурил на небесах. Поэтому Вася никогда своего человека не предаст. И всегда будет его верным другом.

Иногда к папе приходят гости: знакомые и незнакомцы. Бывают среди них очень странные личности, которых коту трудно «считать». Папа ведет с ними беседы, а Вася неизменно сидит рядом. Миша утверждает, что кошачье присутствие успокаивает посетителей и настраивает на нужный лад. Вообще-то у папы имеется работа где-то в Москве, в столице нашей Родины, но порой люди со своими проблемами приезжают к нему прямо на дачу. Его знают многие профессионалы, он даже за границу ездит. Вася не совсем понимал, что это такое, уловив лишь, что заграница — это очень далеко, куда надо лететь на самолете, огромной железной птице.

И еще папа иногда говорил по телефону на другом языке.

В такие моменты Васе приходилось держать ухо востро — кот всегда должен быть в курсе событий! Василий сосредотачивался и включал в голове «*пе-ре-ло-жи-тель*»... Это особое устройство внутри кота, которое считывает чужую информацию и моментально переводит на нормальный кошачий язык.

Профессия у папы Миши странная, с нерусским названием. Что оно означает, Вася понял далеко не сразу. А когда докопался до сути, возгордился *своим человеком* еще больше. Его Миша — про-фай-лер. Это тот, кто разбирается в людях. (И чего в них разбираться-то, мысли и поведение людей видны как на подушечках лап!) Настоящие профайлеры видят чужую натуру насквозь и могут предугадывать каждый следующий шаг.

Точь-в-точь как коты!

Вася заурчал... Ох, не зря они встретились в этой жизни, совсем не зря...

Вась-Михалыч только собрался задремать под папиной ладонью, как Анжелка ни с того ни с сего произнесла:

— Нет, я больше так не могу. Его надо кастрировать, понимаешь!

— Кого кастрировать? — удивленно переспросил Миша. Он был увлечен чтением и не сразу вник в суть ее слов. — Ты о чем вообще?

— О Ваське твоем. Кастрировать его надо.

— Чего? — Миша посмотрел на Анжелу странным взгля-

дом, его глаза в секунду потемнели, превратившись из ярко-голубых в серые. О, Василий прекрасно знал этот опасный знак и понял, что говорили о нем. И слово, которое употребила Анжела, ему также очень не понравилось.

— Сосед жалуется, что он постоянно метит их террасу. Говорит, я вашего Ваську кастрирую однажды.

— Пусть себя кастрирует, идиот. Это Серёга, что ль?

— Нет, Владимир Палыч из сорокового участка.

— Вася — член семьи и моя собственность. У него и паспорт есть. Можно подумать, он один у нас в поселке такой. Все наши коты с яйцами. Борька вон тоже везде бегает, и Карат из шестьдесят пятого. Но нет, Вася им, видите ли, помешал. И ты еще поддерживаешь.

— И меня он не любит, я же вижу. Рычит, дерется, когда я пытаюсь помыть ему лапы. Игнорирует. А ты возишься с ним постоянно, меня как будто и нет здесь. Я готовлю, убираю… и за ним в том числе!

— Вот только не надо! Вася все свои дела на улице делает. Чего ты к нему привязалась?

— Миш... Или он, или я! — выкрикнула она, швырнула фартук на стол и в слезах убежала на второй этаж.

Да-а… Лучше бы она не произносила эту фразу. Миша не терпел подобные ультиматумы.

Вася уткнулся мордой в его бок, поглубже подлез под руку, спрашивая взглядом: «И ты меня отдашь? ее оставишь, а меня отдашь? или это... кастри-ру-ешь?»

— Васенька, ну-ну... — Миша крепко прижал кота к себе. — Проживем и без нее, а?

— Проживем, конечно, — заурчал Вася.

— Новую найдем, а?

— Может, Настю? — тут же телепатировал кот. — Давай Настю вернем.

Михаил в раздумьях почесал затылок. Наверху что-то громко грохнуло.

— Пойду посмотрю, что там.

Да чего там смотреть! Кот и так знал, что Анжела собирает чемодан. Сейчас Миша повезет ее на станцию, к московской электричке. Пусть едет. Вася снова перейдет на Вискас, сухой корм и кошачьи консервы, но его это не пугало. Анжела совсем не подходила *им с Мишей*. Ну вот ни капельки не подходила.

Вася зевнул и свернулся клубочком. Дальнейшая судьба Анжелы его не интересовала.

Миша

Михаилу Романову тридцать шесть. Он красив и удачлив. У него модная профессия психолога. Несколько лет назад он увлекся профайлингом, и это увлечение переросло в призвание. Миша неплохо зарабатывал в крупных компаниях и, по мнению работодателей, достиг больших успехов. Но два года назад он расстался с наемной работой и стал трудиться на

себя. Открыл собственный офис, нанял двух толковых ребят и потихоньку перешел в ранг «лучшего в своей области».

Миша разбирается в людях. Самым сложным было разобраться в самом себе. Но однажды он оставил эту затею, просто принял себя таким, какой он есть. Самоанализ, конечно, вещь любопытная и приводит к неожиданным результатам, но в определенный момент лучше остановиться. Ибо кто знает, куда эта рефлексия может завести! Намного безопаснее вникать в психологию других людей, выявляя скрытые мотивы их поведения. Это по-настоящему захватывающее дело.

Правда, иногда «психологический подход» мешает в обычной жизни, но он весьма помогает в работе. Результаты его труда озадачивали и удивляли тех, кому он помогал. Миша никому не рассказывал, но иногда его выручала не классическая наука, а нечто иное. По сути, знания — это чрезвычайно важно. Он выжал все, что смог, из университета, педагогов и специальной литературы. И сейчас он постоянно учится, читает новинки в смежных сферах, его мозг тренируется каждый день. Безусловно, анализ необходим, без логики — никуда. Но! У Миши есть секрет. Иногда он просто чувствует. Он называет это «голосом свыше» или просто «нечто свыше». Что это: интуиция? сверхчувственное восприятие? ясновидение? А может, есть более точное название такого явления?

Как такое происходит, он не понимал. В определенный

момент он просто решил об этом не задумываться и принял «нечто свыше» как дар. Кто и почему наградил его такой способностью, он не знал, предпочитая и далее находиться в неведении. Подобные моменты случались нечасто. Но они приходили — в моменты наибольшего эмоционального напряжения, трудного выбора или, чего скрывать, страха. Да, порой накатывал и страх, как ни тягостно в этом признаться. Два года назад, помогая криминалистам в поиске маньяка, он испытал именно такое парализующее чувство. Тогда «нечто свыше» помогло ему преодолеть панику, собраться и включиться в процесс по-настоящему. В итоге того мерзкого урода все-таки поймали. И во многом — благодаря его профайлингу. В уголовном розыске об этом не распространялись, да и к чему? Мише громкая слава не нужна. Копаться в мозгах маньяка ему не понравилось, было противно до тошноты.

Однако с оперативниками УгРо и другими силовиками он продолжал сотрудничать. Гонорары для внештатных специалистов у них — кот наплакал, но у Миши было твердое убеждение, что помогать следствию — долг любого нормального человека, поэтому помогал он им не за зарплату. К тому же есть масса плюсов от такого взаимодействия: контакты, знакомства в силовых ведомствах (среди них есть толковые и порядочные ребята, настоящие профи), личный профессиональный интерес и азарт. Покопаться в психологии преступников, понять их мотивы — это отличный опыт, допол-

нительная проверка своих возможностей. А еще он дважды спас от тюрьмы подозреваемых, доказал их невиновность. Только ради этого стоило работать!

Интересно сотрудничать с бизнесменами. К тому же они не скупятся на вознаграждение. В основном, Михаил сопровождает их во время деловых переговоров, наблюдает за заказчиками, выявляет серьезность намерений партнеров в будущих проектах.

Работать с финансовыми структурами, оказывать им услуги, проводить так называемый банковский и страховой профайлинг — это не его. Но в этой сфере платят щедро, поэтому он иногда соглашается им помочь. В корпоративной среде к нему обращаются не иначе как Михаил Васильевич. По имени-отчеству.

Для всех остальных он просто Миша. Как правило, деловое общение начинается с Михаила Васильича, потом както естественно перетекает в Михаила и просто Мишу.

У*«Михаила Васильевича»* есть недостатки.У*«Миши»*их нет.

У него царская фамилия, но ничего общего с венценосной династией он не имел. Он получил ее от отца; к сожалению, капитан Василий Романов умер молодым, когда сыну было всего три года. Раны после Афгана, инвалидность, девяностые годы, выбросившие многих военных из социальной жизни, сделали свое недоброе дело. Отец сгорел, как говорила мама. Выгорел от боли и горя. С дедом, Павлом Ан-

дреевичем Романовым, Миша дружил; они по-настоящему были близки: дед и внук. Дед ушел в мир иной в прошлом году.

Миша был крещен в младенчестве, однако религиозным человеком себя не считал; Бога не отрицал, в церковь ходил крайне редко, но старался жить по заповедям: не убий, не кради, не прелюбодействуй, живи без кумира, не пожелай жены ближнего своего. Правда, с последней заповедью иногда не складывалось — замужние дамы у него появлялись. Причем однажды он даже серьезно увлекся. Но вовремя заставил себя остыть, переболеть этим чувством.

Романов слыл красавцем; женщины к нему относились своеобразно: с обожанием и тайным страхом. Он это знал. Чего скрывать, пятнадцать лет назад он на все сто пользовался данной ему свыше харизмой. Но сейчас подобная ерунда его не интересовала, а традиционные ухаживания стали утомлять. Ему наскучило кого-то завоевывать и расходовать душевные силы на мимолетные знакомства. А может, причина в том, что рядом не было той, ради которой хотелось бы горы свернуть?

Впрочем, несколько месяцев назад в его жизни появилась Настя. И с ней ему было хорошо. Но Настя ушла. Уехала куда-то далеко. Знакомые говорят — за границу. Будет смешно, если во Францию.

А с Францией… Да, с Францией его связывало… нечто… одно обстоятельство.

Совсем недавно он узнал, что у него есть сын. Взрослый. Ему пятнадцать лет. Результат одной авантюры с однокурсницей Ларисой. Лара в конце четвертого курса уехала во Францию и вышла замуж за богатого французского месье. Ей прочили блестящую карьеру психолога, но она выбрала другой путь. Уехала, будучи беременной, о чем Миша, естественно, не подозревал. С тех пор они не виделись. Правда и то, что Лариса не была случайной женщиной в его жизни. Он тосковал тогда.

О сыне же Миша узнал в начале марта, три месяца назад. Сообщил ему об этом однокурсник Коля. Он сказал, что отдыхал на юге Франции и встретил там *мадам Соньер*, в простонародье Лариску Носовскую, с детьми: сыном и дочерью. Она, оказывается, живет в Окситании, известной своими средневековыми тайнами, рыцарскими замками и трагической историей катаров.

Николай тоже «в профессии», несколько лет работал за границей и практиковал гипнотерапию. После учебы Миша с ним мало общался — они изредка пересекались на конференциях, и это были скорее профессиональные контакты, чем дружеские. Но недавняя смерть их любимого куратора, великолепного педагога, собрала бывших однокурсников на похороны. Печальный повод неожиданно сблизил старых приятелей, и они стали видеться чаще.

Так вот, заехал к нему Коля Волков и сказал, что встретил Носовскую с детьми, и не нужно быть семи пядей во лбу,

чтобы заметить: старший сын Ларисы — вылитая копия Миши. Коля не стал смущать ее расспросами, но Романову о встрече рассказал.

Миша не знал, как реагировать на новость о сыне. С одной стороны — здорово, взрослый сын! Но пацан рос с другим отцом. Что в нем есть от него, Михаила Романова? Y-хромосома, больше ничего. Он решил взять паузу и оставить все как есть. Зачем усложнять жизнь Ларисе и ребенку? Просто знал и все. Но вот... стал ему сниться мальчик из Франции. Копия, как сказал Коля, Миши.

Романов часто бывал в Европе. До ковида и последовавших политических кризисов он регулярно ездил в европейские страны. Он любил Италию: хорошо знал ее историю, с картой и карандашом изучал Пунические войны и хроники Римской империи. Ему нравились итальянские города и маленькие деревеньки, соборы, рестораны и вино. Он гулял по Тоскане и Умбрии, Риму и окрестностям, бывал на Сицилии, которую полюбил за противоречивость и хаотичность и в то же время за романтичность и сентиментальность.

А вот во Францию за все годы после университета Миша приезжал лишь дважды. Париж и замки Луары — это и весь перечень его вояжей. После визита Николая он погрузился в интернет изучать Окситанию и самый загадочный ее департамент Лангедок. История южных земель Франции не оставила его равнодушным. Михаил даже заказал и с удовольствием прочел несколько книг о Средневековье: о катарах

и феодалах — покровителях проповедников-еретиков, поэтах-трубадурах и альбигойских рыцарях.

Вестготы и катары, альбигойцы и тамплиеры, римляне, кельты, франки… Руины древних фортов, готические храмы и романские церкви, средневековые крепости, где до сих пор бродят тени странников и рыцарей, костры Инквизиции — здесь каждый камень хранит вековые секреты. Михаил с головой погрузился в историю. К тому же в Окситании, столь щедрой на исторические тайны, нашла свое счастье Лара Носовская.

И все же... Как только он узнал о сыне (а Николаю Миша поверил сразу), его не покидало странное предчувствие. Наряду с любопытством исследователя, при мысли о далеком мальчике, мадам Соньер и красотах Лангедока в нем нет-нет да и просыпалось непривычное чувство *опасности*. Может, он сам надумал этот призрак угрозы, начитавшись книг о средневековых заговорах, еретиках и крестовых походах.

Но от неведомых угроз лучше отмахнуться. Мрачные мысли только мешают жить.

У Михаила отличная мама. Современная, деловая, умная и себе на уме. До его тридцатилетия мама не переживала, что он холост, но последние годы постоянно намекала на женитьбу. Намекала не словами, а поведением, взглядом, жестами. Естественно, Миша легко считывал маму и понимал, что ей хочется внуков. Сам он к семье и детям готов не был, хотя история с французским сыном его сильно взволновала.

А еще у Романова жил Кот. Существо совершенно необычное. У него нет родословной, окрас самый что ни на есть дворовой: серый с белым и немного рыжинки на животе и лапах. Вася — кот-табби, проще говоря, полосатик. И хотя полос на его теле не так уж много, тонкие линии на морде выразительно обводили глаза и складывались на лбу в букву «М» — самый древний кошачий узор. Пятнышко на морде около носа справа, взгляд раскосых зеленых глаз — есть что-то мистическое в этом существе, который выбрал его, Мишу, *своимчеловеком*.

Он появился однажды, и Миша не смог отказать ему в приюте. И ни разу не пожалел о том, что Василий теперь живет у него. Правда, частенько Мишу одолевают мысли, что это *он живет у Василия*.

Как выяснилось позже, Вася пробовал пожить в других домах дачного поселка. Он появился из ниоткуда — маленький, но вполне самостоятельный котенок. Он бродил по дачам, ловил садовых мышей, останавливался в том или ином доме. Никто его не прогонял, кот всегда уходил сам. Кто-то из соседей придумал ему имя — Вася. Имя подошло коту идеально. Это человеческое имя означает «царь, царственный» — в древнегреческой мифологии эпитет Зевса и Посейдона. К тому же выходило, что Михаил Васильевич и Вась-Михалыч — в каком-то смысле тезки.

Васе было месяцев восемь, когда он появился у Миши на даче. И оба поняли, что произошло то самое... химия. И Ва-

силий остался. Звезды сошлись.

Кот явно воспринимал Мишу как родителя и вел себя соответствующе: то капризничал, выпрашивая вкусняшку, то наотрез отказывался ехать к ветеринару, то сворачивался на груди и урчал как паровоз, наполняя Мишину душу тихой радостью и спокойствием. Но уникальность кота была в другом. Он обладал тем самым шестым чувством, которое Миша определял для себя как «нечто свыше». Они понимали друг друга без слов. И дело было не в предсказуемых кошачьих повадках, которые легко считать — хвост трубой, уши торчком или взгляд глаза в глаза — в каждом конкретном случае Миша знал, чего хочет его кот. Василий обладал поразительным чутьем: он будто транслировал человеку свои видения. Поначалу Миша не понимал, откуда в его голове берутся странные, несвойственные ему мысли, но со временем научился отличать свои идеи от Васькиных. Все представители кошачьих обладают необъяснимой для людей чуйкой, но Вася был особенным. Романов это знал и чувствовал. Недаром он был психологом.

Точнее — профайлером. Профи, который анализирует мотивы людей, чтобы составить их психологический портрет. Его работа — определять, где правда, а где ложь, прогнозировать действия и оценивать скрытые намерения. Наблюдение и еще раз наблюдение! За всем: жестами, мимикой, интонациями и позами. Но то люди.

А тут — Кот. С большой буквы. Когда Миша осознал, что

Васька точно так же «считывает» его самого, он обомлел. Но вскоре они вдвоем включились в эту игру. Кажется, Миша даже научился обыгрывать Вась-Михалыча: он умышленно *позволял* коту верховодить, чтобы последнее слово оставалось за ним. Василий радовался мнимой победе и терял бдительность.

И отлично. Надо же иметь хоть какую-то лазейку в отношениях с собственным котом.

Так и жили бы Миша с Васей, скрашивая иногда свое существование прекрасными женщинами, если бы вдруг не позвонила Лариса. Та самая. Спустя шестнадцать лет!

Миша увидел в мессенджере пропущенный с незнакомого иностранного номера звонок, а следом — сообщение. Лара очень просила связаться с ней. Он растерялся: перезвонить самому, дождаться нового вызова или проигнорировать?

Миша позвал кота:

— Вась, иди сюда.

Кот неохотно потянулся, спрыгнул с дивана и неторопливо подошел. Взгляд выражал немой вопрос: «Ну?»

— Помнишь, я рассказывал тебе про свою первую любовь?..

Василий мгновенно подобрался. Уши приняли боевую позицию, зрачки сузились в тонкие щелки, а вибриссы уловили волну подсознательной тревоги. Почему Миша так разволновался? Васе всегда нравилась история о далекой и незнакомой Ларисе. Ему даже имя ее казалось красивым: Ла-ри-

са. Кот и сам втайне хотел, чтобы они встретились.

Потом пришел этот Коля (Васе он не то чтобы не понравился, но не внушил доверия) и сообщил нечто такое, отчего его Миша пришел в сильнейшее возбуждение. Василий долго не мог взять в толк, из-за чего весь сыр-бор, но в итоге рассудил по-своему: для людей дети значат гораздо больше, чем для котов. И если папа решит забрать сына себе, Вася не против. Он заранее знал, что мальчик похож на Мишу не только лицом, но и характером. С этой мыслью кот совершенно успокоился.

— Помню, — осторожно муркнул кот.

— Она звонила. Дважды. Как думаешь, перезвонить?

— Она уехала и бросила тебя. Ты ведь до сих пор на нее обижен, разве нет? — спросил Василий.

Миша отчетливо уловил эту мысль. Или подумал об этом сам. Старая обида все еще зудела где-то внутри. Его бросили, променяли на богатого француза. Позже с другими женщинами все складывалось проще, расставания происходили по обоюдному согласию. Кроме, пожалуй, Насти. Она тоже… ушла. Странная закономерность: женщины, к которым он привязывался, всегда уходили первыми.

— Ну... обиделся. Было дело. Но ведь сто лет прошло. Значит, лучше не звонить? Не ворошить прошлое, а?

— А если она хочет познакомить тебя с сыном?

Миша тяжело сглотнул и промолчал.

— Молчишь... А если ей нужна твоя помощь?

— Помощь? — переспросил он.

— Ну да. Женщинам иногда требуется мужское плечо.

— У нее есть муж. Богатый месье, вот пусть и помогает.

— Фр-р... — фыркнул кот. Ответ своего человека ему явно не понравился.

— Но она ведь сама ушла! Вычеркнула меня из жизни! — с внезапной злостью бросил Миша.

— Фу... Ты, оказывается, злопамятный. Ты же ее любил.

— Любил? Не знаю. Просто она мне очень нравилась.

— Мрав... — отозвался кот на своем языке.

— Чего?

— Разбирайся сам. В твои любовные игры с женщинами я не играю. — Вася поднял хвост трубой, вальяжно зашагал к дивану, запрыгнул на подушку и стал укладываться.

— Эй, ты чего? Поговорить не хочешь?

На самом деле Василий очень *хотел* поговорить о Мишиной первой любви. Но кошачье шестое чувство подсказывало: после этого звонка события будут развиваться по другому сценарию.

А так хорошо все шло! Они, наконец, остались одни: Анжела съехала к маме. Это же так прекрасно — наслаждаться тишиной в чисто мужской компании. И надо же было случиться этому звонку из прошлого. Появись Лариса прямо на пороге, Вася, пожалуй, обрадовался бы ей. Но этот звонок издалека и встревоженный голос родителя разрушили весь уют. Кот снова почувствовал опасность. Но не пугать же Ми-

шу раньше времени. И потом... если Лара действительно попала в беду, неужели *они* бросят ее и ребенка?

Почему-то мысль о беде не отпускала Василия.

— Да, наверное, наберу ее сам, — глухо произнес Миша. — Вдруг там что-то серьезное?

Всё-таки телепатировал! Внушил-таки мысль о беде. И зачем, спрашивается? Вася демонстративно зевнул, всем видом показывая, что хочет спать: свернулся клубком и прикрыл лапой нос.

— Или лучше сначала напишу.

Миша отправил короткое сообщение, что ждет ее звонка.

Лариса позвонила почти мгновенно. С этого момента у Романовых — Михаила и Василия — началась жизнь, полная неожиданностей, опасностей, крутых поворотов и настоящего детектива.

Лариса

Отличница и староста группы, Лариса Носовская обладала тем редким типом внешности, который называют «девушка с изюминкой». Тоненькая, с красивой фигурой, лукавым взглядом темно-зеленых глаз и вздернутым носиком, роскошными светлыми волосами, уложенными небрежно, но всегда со вкусом — так в учебной среде будущих психологов воспринимали Носовскую. Острый ум, легкий характер, покладистость, умение слушать, анализировать, делать выводы

— всеми этими качествами она обладала уже в студенческие годы. Преподаватели прочили ей аспирантуру и блестящую научную карьеру, а сокурсники — успешную частную практику. Вдобавок ко всему, у нее завязался роман с Мишей Романовым — всеобщим любимцем, признанным красавцем и харизматиком.

И вдруг — как гром среди ясного неба... Четвертый курс, конец мая, последние лекции перед сессией. Лара попросила сокурсников не расходиться, поднялась на кафедру и объявила, что выходит замуж и навсегда уезжает во Францию. Сказала она это легко и весело. Впрочем, Лара все делала играючи.

— Ищите другую старосту. Я сдам сессию и улечу. Виза невесты уже готова, Жан меня ждет.

До получения диплома оставался год, но она расставила приоритеты. В группе шептались, будто Лариса уезжает из-за Романова — якобы между ними пробежала черная кошка. Однако сам Миша был ошеломлен этим известием не меньше остальных. Он тяжело переживал ее внезапное решение, хотя и делал вид, что ему все равно. Этот поспешный отъезд так и остался неразгаданной тайной для сокурсников, педагогов и самого Михаила.

Носовская уехала. Первые месяцы однокурсники поддерживали с ней связь, спрашивали, о новой жизни и в шутку интересовались, не тянет ли ее обратно. Лара уверяла, что абсолютно счастлива. Она прислала фотографии со свадьбы:

на снимках красовался просторный дом и французский муж — «typiquement français»1[1]— подтянутый брюнет с темными глазами и харизматичной улыбкой. Девчонки из группы в один голос заявили, что Жан невероятно похож на молодого Бельмондо. Парни лишь скептически пожимали плечами — Ларискин французский муж им категорически не понравился. Но выбор был сделан, и сокурсникам оставалось лишь пожелать им любви и счастья. Где и когда она умудрилась встретить этого француза, как их мимолетное знакомство так стремительно закончилось свадьбой, для всех так и осталось тайной.

Вихрем пронеслись события шестнадцатилетней давности в памяти Михаила Романова, пока он ожидал ее звонка. Звонка от Лариски-киски-ириски — как ласково он называл ее в юности. От бывшей старосты группы и той самой неуловимой девушки с изюминкой...

— Привет, Романов, — наконец раздалось в трубке.

— Привет... — глухо ответил он и с трудом сглотнул подступивший к горлу комок. — Наверное, мне стоит сказать: «Привет, Носовская». Но ты уже давно не Носовская, а мадам… как тебя там?

— Соньер.

— Звучит красиво. Твой муж...

Лариса перебила его:

— Подожди, Миша, — она произнесла эти слова слишком

[1] 1 Типичный француз (фр.).

громко, почти надрывно, и тут же испуганно умолкла.

Он ждал продолжения, но Лариса молчала — лишь тяжело дышала в трубку, словно отчаянно пыталась унять всхлипывания. Он первым прервал затянувшуюся паузу:

— Не буду скрывать, Лар, твой звонок для меня — большой сюрприз. Даже не знаю, чего и думать. Может, объяснишь, в чем дело? Вряд ли ты позвонила, чтобы узнать, как идут у меня дела.

— Я знаю, как идут… — тихо ответила она. — Хорошо. Ты известный психолог, по телевизору выступаешь. Профайлер... С полицией сотрудничаешь. Я ведь поддерживаю связь с девчонками — с Олей, Мариной. Они рассказывают новости. Знаю, что Леонид Ильич умер недавно… И что вы все были на похоронах. Так что я не совсем оторвана от мира.

Леонид Ильич был куратором их курса — известная личность, блестящий ученый и просто замечательный человек. Рано умер; на похоронах Миша узнал, что рак у него обнаружили слишком поздно.

— Значит, тебе что-то нужно? — спросил Миша хриплым голосом. Мысль о сыне зудела в голове и мешала сосредоточиться. — Ты сейчас здесь, в России?

— Нет. Я во Франции… — ответила Лара и снова замолчала.

— И?..

Романов почувствовал, как внутри нарастает тревога. Особенное, липкое чувство. Это не было обычным волнени-

ем от беседы со своей первой любовью — это предчувствие чего-то опасного. Он не мог ее видеть: Лариса сознательно не включила видеосвязь, чтобы профессиональный профайлер не смог считать ее по мимике, мимолетным взглядам и жестам. Но он почувствовал напряжение в ее голосе, необъяснимую тоску, и сам проникся этим тоскливым настроением, которое появляется в предчувствии опасности. А тут еще Вася вскочил с дивана и запрыгнул на стул рядом, вперив в него свой зеленый кошачий взгляд. Усы нервно подергивались, уши стояли торчком. Локаторы включены. Слушает.

— Мне нужна твоя помощь. Иначе я бы ни за что не позвонила. Понимаю, у тебя своя жизнь, я не вправе вторгаться... — Лариса заговорила взахлеб, будто боялась, что ей не хватит смелости высказать всё до конца. — Миша, я в беде. Со мной творится что-то жуткое. Точнее… не со мной, я плохо выразилась. А вокруг меня. Полгода назад погиб Жан. Я вдова...

— Извини, я не знал, — тихо произнес он.

— Дело не в этом. После его похорон начался какой-то кошмар. Такое впечатление, что кто-то целенаправленно хочет свести меня с ума.

— Ларис…

— Подожди, не перебивай! — взмолилась она. — Я знаю, что ты хочешь сказать. Что я сама психолог, пусть и недоучившийся. И что я должна разложить по полочкам все, что происходит. Но здесь другое, понимаешь? Я уже молчу о

том, что в смерти Жана куча белых пятен. Мне кажется, его убили! Но полиция тогда быстро закрыла дело, как я ни пыталась на них повлиять. Списали на несчастный случай.

Ларису окончательно прорвало, слова сыпались лихорадочным потоком:

— А месяца два назад посыпались новые странности. Миш, я клянусь, я не сумасшедшая! Но когда я нахожу убитой свою любимую собаку… Когда за день до соревнований моей дочери ни с того ни с сего отказывают в участии, хотя все было согласовано и оплачено… Тут невольно начнешь задумываться. Через несколько дней после этого на меня на полной скорости неслась машина — я чудом успела отпрянуть. Потом отравилась наша соседка, мой единственный искренний друг здесь. Она, слава Богу, выкарабкалась, но только потому, что я случайно — понимаешь, Миша, абсолютно случайно! — зашла к ней в гости и успела вызвать скорую. Были и другие «мелочи»… Миша, мне просто страшно. А на днях полиция решила возобновить расследование гибели мужа. У них, видите ли, именно сейчас появились сомнения в несчастном случае! И эти идиоты начали подозревать меня! Вместо того чтобы искать настоящего убийцу, они хотят повесить все на меня…

Миша услышал этот клекот в ее голосе, характерные звуки, когда пытаются заглушить всхлипывания.

— У меня дети... мой мальчик... он...

«Она сказала: "мой мальчик". Не "наш с Жаном", не "де-

ти", а именно "мой".*Её мальчик»,*— молнией пронеслось в голове Михаила. Профессиональные триггеры сработали мгновенно. «Что, чёрт возьми, там творится? Убили ее мужа? Того самого француза, похожего на Бельмондо? Или у нее был другой муж?»

— ...забрали... паспорт забрали, — сквозь рыдания продолжала Лариса. — Понимаешь, полиция мне не верит! Жан был хорошим мужем, мне грех жаловаться. Я… Если меня все-таки обвинят, дети останутся совсем одни. Но я же клянусь тебе, помимо следствия, вокруг творятся необъяснимые вещи!

— Лара, подожди, почему ты еще там? Приезжай в Россию. Бери детей.

— Ты не слушаешь меня! Я же сказала, они забрали паспорт, я не имею права выезжать за пределы Франции. Я пока не могу даже из региона выехать.

В трубке снова повисла тяжелая, гнетущая тишина.

— Ларис, — Миша сделал глубокий вдох, заставляя свой голос звучать максимально спокойно и профессионально. — Чего конкретно ты от меня ждешь? Чем я могу помочь в твоей ситуации?

— Я хочу, чтобы ты приехал.

— Ничего себе... — Романов даже опешил. — Зачем?

— Чтобы помог мне разобраться, что здесь происходит на самом деле.

— Лар, а ты уверена, что все это — не трагическая

цепь случайностей? — Миша скептически хмыкнул, пытаясь включить холодного психоаналитика. — Обычная черная полоса. Тебе ли не знать, как это бывает. После гибели мужа у тебя затяжная депрессия, и на ее фоне ты…

— Да нет у меня никакой депрессии! — резко перебила она, но тут же испуганно взяла себя в руки: — Извини… Прости, я вспылила. Но я точно знаю, о чем говорю. И я очень надеюсь, что ты поможешь мне в расследовании.

— Помочь в расследовании? — переспросил он, нахмурившись. — Но в каком качестве?

— Романов… Ты же профи. Девчонки рассказывали, что ты консультируешь следственный комитет. Ты лучший в профайлинге!

— Одно дело — экспертиза, Лара. Но при чем тут Франция? Я не оперативник Интерпола и не частный детектив.

— Помоги мне. Я одна не справляюсь, — ее голос дрожал от бессилия. — Понимаю, у местной полиции априори предвзятое мнение, они не хотят особо вдаваться в детали. Следствие идет ни шатко ни валко. Вообще не пойму, зачем они возобновили дело спустя полгода — никаких новых зацепок ведь не было, сами же его закрыли! И пока они тянут время, вокруг меня творится чертовщина. Родители Жана — пожилые люди, гибель единственного сына их окончательно подкосила. У них есть еще приемная дочь Мари… точнее, свёкры были ее опекунами, пока та росла. У нее свои дети — немного странная дочь и сын от второго брака. Все они

хорошие люди, но живут на другом конце света, в Канаде, и прилетают крайне редко. Больше родственников у нас нет. Старики безумно любят внуков, но сейчас они резко сдали, особенно свёкор. Если с нами случится что-то еще… Боюсь, его больное сердце просто не выдержит. А полиция об этом не думает. На нас почему-то ополчились со всех сторон!

— Да на кого на «вас»? — нахмурился Миша.

— На меня и на моего сына.

— Сына? — Романов почувствовал, как кровь толчками застучала в висках. — А сколько ему лет?

— Пятнадцать, — ответила она еле слышно. — Он такой... ершистый. Отвечал им грубо. Но у них нет никаких улик, понимаешь. И вместо того, чтоб искать убийцу, если он есть, они ищут доказательства моей вины.

— А почему, Лар? Почему они тебя обвиняют?

— Миш... Я же тебе говорю, что тут много чего происходит. Кому-то мы мешаем. И я боюсь. И за себя, и особенно за детей. Мне нужен кто-то, на кого я могу положиться. Я сначала обратилась к другу Жана... Антуану. Но он как-то... ну... слинял, что ли. Наверное, не верит мне или боится. Чего? Я не пойму. Потом даже хотела нанять детектива...

— Кстати, отличная идея, — ухватился за соломинку Михаил.

— Отличная, — горько отозвалась Лариса. — Только где я его возьму, хорошего детектива? Я побеседовала тут с одним. Он думает исключительно о гонораре. Даже толком не

выслушал — сразу выставил счет. Не верю я им. Я ведь с самого начала о тебе подумала. Честно пыталась справиться сама, обойтись без твоего участия... Но видишь, как все обернулось. Не получается у меня. Приезжай, пожалуйста… — она снова тихо всхлипнула.

— Лариса... — Миша нахмурился. Женские слезы обычно его раздражали, но сейчас все было иначе. В голове стучала одна и та же мысль: «Пятнадцать лет. Ее… или все-таки наш?» — Лара... Я не знаю... У меня и визы нет. Я последний раз в Европу летал до всех этих карантинов. Пятилетняя виза закончилась в прошлом году. Сама знаешь, как сейчас с визами. Санкциями обложили...

— У Оли... Марковой есть знакомые в испанском консульстве. Они могут сделать быстро визу. Она ко мне приезжала в прошлом году, сказала, что за два дня в посольстве сделали. Я могу ее попросить. Или ты сам набери. Миша, я без тебя не смогу. Правда. Мне больше не к кому обратиться. Я понимаю, что *тыне обязан*. Но у меня больше никого нет. Никого. Все наши с мужем друзья... они отстранились. Не могу сказать, что они отстранились от меня, но мои проблемы им глубоко безразличны. И потом... *Я же все равно русская*, понимаешь? Несмотря на то, что у меня есть французский паспорт, я для них иностранка.

— И чем я тебе помогу, Лар? — спросил он, но уже решил, что поедет. В голове крутились планы, как быстро получить «шенген».

Промелькнула мысль: а если бы не Коля со своим рассказом о Ларином сыне, поехал бы он к чёрту на кулички — ладно, пусть не к чёрту, а в благополучную Францию — помогать однокурснице Носовской? Первой своей, но изрядно подзабытой, любви? Романов не мог ответить однозначно. И если быть до конца честным перед самим собой: скорее всего, он нашел бы повод отказаться. Тем более что все эти страхи Ларисы казались ему если не надуманными, то немного преувеличенными.

— Даже своим присутствием поможешь. Мне нужен кто-то рядом. Родной человек. Во-вторых, поможешь расследованием.

— Лариса, перестань про расследование! Для этого язык нужен! У меня французский на уровне «как пройти к музею или сколько стоят эти туфли». Я им не пользовался после универа. Английский — да, более-менее, но в вашей Франции встретить человека, с которым можно свободно поговорить по-английски, тяжелее, чем у нас.

— Да ладно! Ты первый был в группе по французскому. Все вспомнишь. Если что, не переживай. Я переводить буду. А что-то ты и так поймешь. Жесты и мимика одинаковые у всех. Морриса мы читали на третьем курсе2[2].

— Я на втором прочел. Кстати, в оригинале. На английском. В переводе книга только через год вышла. А француз-

[2] 2 Речь о книге Десмонда Морриса «Библия языка телодвижений (фундаментальное исследование всех невербальных сигналов)».

ский мой остался в прошлом... за ненадобностью.

— Французы много жестикулируют. Особенно здесь, на юге.

— Тебе не кажется, что это авантюра?

— Не кажется. Я уже о многом передумала. Все тебе расскажу. Но я заинтересованное лицо. Понимаешь, я кое-что нашла, но не могу собрать в кучу... И еще... Но это потом. Когда приедешь.

Она так и сказала: когда приедешь. Не «если», а «когда».

— А как погиб твой муж? — перебил ее Миша, потому что Лариса снова принялась убеждать, насколько он ей нужен.

— Авария. Ночью возвращался домой. Как раз в темном месте, где нет камер, машина съехала с дороги и перевернулась. С чего бы?

— Он один был в машине? И если решили, что был несчастный случай, откуда потом появились подозрения?

— Он был один в машине, да. Мы с сыном в тот вечер поехали на концерт в Тулузу — там выступал кумир их молодежи, Петя очень хотел попасть. Свою машину я брать не стала: на таких мероприятиях всегда вечные проблемы с парковкой. Туда мы добрались на пригородной электричке, прихватив с собой соседского мальчишку Дино — мальчики дружат. Жан должен был забрать нас на машине сразу после концерта. Но он не приехал и не отвечал на звонки. Пришлось возвращаться на такси.

Сначала мы завезли Дино к родителям. Я жутко злилась, думала, Жан просто закрутился и забыл про нас. Но когда мы зашли в дом, а там — никого, злость сменилась паникой. Он и раньше возвращался поздно, но напрочь забыть, что нас нужно встретить, и даже не предупредить о задержке? Это совершенно на него не похоже. Да еще и мобильный по-прежнему молчал. Мы живем в маленьком провинциальном городке, считай, в деревне. От этой грохочущей музыки на концерте у меня дико раскалывалась голова, хотелось поскорее принять таблетку и провалиться в сон…

У соседского дома на лавочке сидела мадам Бенцони, Алессия. Наши участки рядом. Она пригласила меня присесть. Отказать было неудобно — она чудесная женщина, мы тепло общаемся. Сын сразу прошел в дом. А мы с ней проговорили ещё минут двадцать. Потом Петя вышел на крыльцо и сообщил, что папы до сих пор нет. Ну, я и поделилась с ней: мол, Жан не встретил нас и до сих пор не вернулся с работы. Алессия посоветовала немедленно заявить в полицию, но мы решили подождать до утра. Младшая дочь в ту ночь оставалась у родителей мужа. Вот так… А утром на пороге появились жандармы и сказали, что произошла авария. Мой муж погиб.

— Ладно, но при чем здесь их подозрения? — нахмурился Миша. — Допустим, у жандармов появились сомнения и аварию считают подстроенной. Но у тебя же железное алиби! Ты была на концерте в другом городе.

— Раньше они меня и не подозревали, — глухо отозвалась Лариса. — А сейчас… Оказывается, в его крови нашли токсичное вещество, которое и спровоцировало катастрофу. Эксперты утверждают, что Жану стало плохо за рулем и он мгновенно потерял сознание.

— Стоп, я не понял. Когда нашли этот токсин? Они что, проводили эксгумацию? С какой стати?

— Нет, эксгумации не было. Нашли сразу, во время первого вскрытия, но почему-то не придали этому значения.

— Странно.

— Вот и я говорю, что странно все это.

— Даже если так, ты тут каким боком?

— Теперь следствие считает, что токсин мог находиться в термосе с чаем. А чай Жану в дорогу всегда готовила я. У него в последнее время пошаливал желудок, и я заваривала ему наш сбор, «а-ля рус», травяной. Ему действительно помогало! Никакой отравы я туда не подсыпала, это бред полнейший!

— А мотив? У тебя был мотив?

Она промолчала. Только всхлипнула. И что этот всхлип может означать? Что мотив был? Либо он *мог быть*? Страх, что мотив все-таки раскопают? Или горькую обиду от самого вопроса?

— Приезжай. Я тебе все расскажу.

— Когда это случилось? Когда он погиб?

— Полгода назад.

— И они спустя полгода возобновили дело? — он присвистнул.

— Да. Вот зачем только? И остальное все...

— Лариса, скажи мне сразу, — перебил ее Романов, и в его голосе прорезались жесткие профессиональные нотки. — Я ведь все равно докопаюсь, ты меня знаешь. Мы оба психологи.

— Нет, Миша! Я не убивала своего мужа. И никогда не желала ему смерти, клянусь тебе! — выкрикнула она искренне и отчаянно.

Он поверил. Сразу и безоговорочно.

— Хорошо, я постараюсь что-нибудь придумать.

— Только побыстрее... Пожалуйста.

Миша услышал, как с ней заговорил кто-то — голос был детский. Она ответила по-французски.

— Извини, это дочка. Ей семь лет, — сказала она. — Мне пора... Нужно к ней.

— Да, конечно, иди. Я постараюсь. Напишу тебе, как дела с визой.

— Миша... Только пойми меня правильно. Ночевать будешь у соседки или у свёкров. Знаешь, у них настоящий замок, это недалеко. Я с ними говорила, они не против. Сказали, что я тоже могу принимать гостей, это ведь и мой дом. Но я пока не хочу... Пока мы будем расследовать. — Она снова заговорила торопливо.

— И далось тебе это расследование!

Она перевела тему:

— Здесь очень красиво, городок совсем небольшой. Тебе понравится. Отвлечешься от моих проблем, увидишь много интересного.

— Это Окситания?

— Да. — Лариса удивилась. — Откуда ты знаешь? Я тебе не говорила.

— Ты же на концерт в Тулузу ездила.

— Ну да...

— А Францию я все-таки немного знаю. В России живут культурные люди, знаешь ли, — он съязвил. — И про катаров читали, и про крестовые походы и все ваши окситанские тайны. — О том, что его интерес вспыхнул после рассказа Николая, Миша, естественно, смолчал. — Каркасон далеко от тебя?

— Все рядом.

— Ну и отлично. Теперь главное — визу получить.

— Я… я могу оплатить билеты. Сейчас это недешево, придется лететь до Тулузы. Как только получишь визу, я подберу рейсы и оплачу.

— Лара, я небедный человек. Не разочаровывай меня.

— Прости.

В трубке снова раздался голос, на этот раз мальчишеский. Миша замер. Лариса опять ответила по-французски, а потом добавила по-русски: «Сейчас приду».

— Я тебя жду, Миша. Спасибо. Ну... что выслушал и от-

кликнулся. Я бы не...

— Ладно, хватит оправдываться! *Не*позвонила бы, *не*пригласила, *не вспомнила.*

— Я помнила, все время помнила, — тихо сказала она и отключилась.

Миша еще какое-то время сидел за столом с телефоном в руке, тупо глядя на жирное пятно на сервировочной салфетке. Наконец какое-то копошение справа заставило его обернуться.

— Васенька, ты что, подслушивал?

— А кто меня сюда позвал? Кто с дивана согнал?

— Значит, слушал. И что скажешь?

— Чувствую, скоро останусь с Мам-Олей. Уезжать ты собрался. Но есть в этом и плюсы... Буду есть ряженку. — Вася зевнул и облизнулся. — Она-то купить не забывает, в отличие от некоторых.

— А по существу?

— По существу — ты обязательно укатишь во Францию и будешь спасать свою Ла-ри-су. А Васенька останется... — кот состроил несчастную мордочку. Глаза — ну плакать хочется! Так жалостливо смотрят.

— Я не могу взять тебя с собой, ты же знаешь. Это не в Москву съездить, это гораздо дальше. И вообще, зачем я с тобой разговариваю?

— Затем, что ты пытаешься понять: *надо* ли ехать — раз.

*Хочешь*ли ты ехать — два. *Сможешь ли ты ей помочь*— три. И еще куча всякого...

Миша слушал кота... А может, самого себя?

— И что же такого «всякого»?

— Ну, например: *какая она сейчас*, твоя Лариска?

— Она не моя.

— Была когда-то... Или вот еще: *как быть с сыном?*Спросить ее напрямую? Чей он? Рассказать о встрече с Колей или смолчать?

— Если она действительно нуждается в помощи, то такие вопросы сейчас неуместны. Во всяком случае, пока.

— Лукавишь. — Кот прищурился: и как же легко папу можно «просчитать», даром что психолог! — Про помощь — ты вспомнишь потом. А сначала будешь думать о другом. Ты же любил ее…

— Так, все. Разбаловал я тебя.

— Подумаешь! Могу и не давать советы. — Вася сделал вид, что обиделся. Отвернулся, спрыгнул со стула, побрел к миске. Лучше, чтоб Миша не видел его ухмыляющуюся морду.

И куда он денется без Васенькиных советов!

ЭПИЗОД: 1217 год. Лангедок. Графство Тулуза

В течение двух месяцев Гийом де Пейрепертюз объезжал свои владения — земли от ущелья Галамюс до окрестностей Агилара. В родовой замок он вернулся в глубоком раздумье и волнении. Замок, воздвигнутый на скалистом хребте и обнесенный крепостными стенами с бойницами, за свою историю не раз сдерживал натиск врагов. Но нынешние захватчики были иного рода — настоящие фанатики, безжалостные и свирепые.

Спокойная жизнь благословенных южных земель была нарушена несколько лет назад, когда независимый и богатый Лангедок стал местом столкновения Рима и альбигойцев. Тулуза, Каркасон, Безье, Фуа, Альби… Для Святого Престола эти процветающие мирные города, свободные от догматов католической церкви, стали угрозой. Христиан *истинной Церкви — добрых людей*— папа объявил «еретиками», их стремление к чистоте веры и моральным добродетелям — ересью, а затеянный церковными иерархами «духовный поход» против альбигойцев уже истребил немало населения...

Погруженный в тяжелое томительное раздумье, Гийом остановился у часовни Святой Девы Марии, построенной его прадедом на территории крепости. Нерадостные мысли одо-

лели молодого сеньора. Гийом, как и другие бароны Лангедока, стоял перед выбором...

Он всем сердцем был привязан к этому замку. Два века назад граф Бернар Тайлефер де Бесалу передал его в собственность первому кастеляну Пейрепертюза, от которого и пошел знатный род Гийома. Его предки верой и правдой служили графам Тулузским и принцам Арагона. А дед, Беранже де Пейрепертюз, и вовсе состоял в ближайшей свите лорда Раймона, графа Барселоны.

Два столетия предки Гийома владели замком, но этим величественным камням гораздо больше двухсот лет. В семейном хранилище находятся уникальные древние предметы, найденные на территории владения: римские монеты, амфоры, посуда. В крепости хранится и настоящее сокровище, переданное деду Гийома знатными баронами на сохранение: *свиток документов короля франков из династии Меровингов Дагоберта Второго*. Этим реликвиям почти пятьсот лет!

Как и знатные семьи Кабаре, Саиссак и Дурбан, семья Пейрепертюз разделяла идеи *добрых людей*. Замки феодалов всегда служили защитой рыцарям, присягнувшим на верность *совершенным*и их префектам. Но с тех пор, как Лотарио Конти, ставший папой Иннокентием Третьим, сделал борьбу с *добрыми христианами*своей целью, независимый Лангедок стал мишенью для атак крестоносцев. Папа объявил *верующих*Лангедока еретиками и организовал крестовый поход против них и рыцарей Альби. Пока король Фран-

ции Филипп Август раздумывал, надо ли ему участвовать в «альбигойском походе», его могущественные вассалы герцог Бургундский и граф Неверский присоединились к крестоносцам.

Еще бы! *Папа пообещал им весь Лангедок в качестве добычи!*

Высшее духовенство Лангедока, бароны и знатные сеньоры очень неодобрительно отнеслись к решению папы. Города и многочисленные фамильные замки отчаянно сопротивлялись крестоносцам, а феодалы, столкнувшись с жестокостью, совершаемой под знаменем Церкви, нередко сами становились во главе восстания и вместе с народом боролись с завоевателями.

Понимая, что без сокрушения баронов, поддерживающих *добрых людей*, Церкви не победить, Рим пошел на крайние меры. Иннокентий Третий создал инквизиционное расследование — судебную систему, которой было поручено выявлять, наказывать и искоренять ересь. С тех пор жизнь *совершенных*, их священников и покровителей превратилась в нескончаемый кошмар. Они подвергалась не только гонениям, но и убийствам. Слухи о жестоких расправах, пытках и массовых сожжениях на кострах *добрых людей*быстро распространялись по всему краю.

Гийом не понимал, как можно вести себя столь жестоко с христианами! У *истинной Церкви*свои идеи, но в их проповедях и образе жизни нет ничего недостойного. Наоборот!

Совершенные — *епископы* — вели прилежную жизнь, проводили время в молитвах и постах, помогали крестьянам, создавали школы и учили грамоте детей. Среди них есть ученые, врачи и философы. Гийом де Пейрепертюз от них узнал о Платоне и Аристотеле, философии, древних государствах, познал основы астрономии и космологии. Простые *верующие* Лангедока жили обычной жизнью, вступали в брак, рожали детей, трудились, при этом старались соблюдать заповеди, которым их учили *совершенные*. Разве в такой жизни есть что-то недостойное?

Почему же Святой Престол назвал их еретиками и начал истреблять?

Семь тысяч жителей убили крестоносцы в городе Безье! Их убивали в церквях и на улице: мужчин, женщин, стариков и детей. Город горел несколько дней...

После жестоких убийств и сожжения «еретиков» в Безье, а, главное, после падения замка Термеса, который считался неприступным, многие сеньоры Лангедока стали задумываться о спасении своего населения и вынужденно прибегали к хитрости. Они объявляли о подчинении военному предводителю Симону де Монфору, но продолжали тайно поддерживать *добрых людей*. Понимая, что за Термесом последуют другие крепости, местные лорды заключали с ним соглашения о почетной капитуляции, но перед этим старались спрятать *верующих* и их *епископов*, проживающих в укрепленных замках.

Гийом де Пейрепертюз стоял на распутье: последовать примеру соседей-феодалов или продолжать сражаться и держать осаду замка. Его советник, Пьер Корбье, один из *епископов* истинной Христовой Церкви, обладающий тайным знанием и видением будущего, склонял его к тому, чтобы официально подчиниться де Монфору, но тайно продолжать помогать *совершенным*и вести свою независимую политику. К тому же, как уверял Корбье, Симон де Монфор «не жилец»: через год он погибнет при осаде Тулузы.

Так сказал Корбье... Гийом верил ему. Но Корбье не «видел» или не хотел говорить, какова судьба ожидает Лангедок в будущем.

В свои двадцать семь лет Гийом был полон сил и отваги. Он уже сражался с крестоносцами, был готов продолжать борьбу и, если потребует долг, погибнуть за независимый Лангедок!

И все же молодой сеньор склонялся к тому, чтобы покориться верховному правителю. Но не совет Корбье перевесил чашу весов в сторону этого решения. А два других фактора. Его потрясло жестокое убийство жителей Безье, которых Арно-Амори, аббат из Лиона, стоящий во главе крестоносцев, приказал убивать, не разбираясь, виновны ли они в ереси. Его слова: «Убейте всех, Бог узнает своих» — разлетелись по земле Лангедока и вызвали ужас у жителей региона. Последней каплей стало появление в Пейрепертюзе трех оставшихся в живых защитников Термеса и их страш-

ный рассказ о том, как крестоносцы отравили питьевую воду. «На замок обрушился внезапный потоп... Шел ливень. Люди обрадовались, наполняли кувшины и бочки, месили новый хлеб и варили супы. Но затем их охватили ужасные колики. Вода была отравлена. Многие жители погибли. А когда крестоносцы объявили осаду крепости, сражаться было некому».

После долгих размышлений Гийом решил подчиниться Симону де Монфору, чтобы спасти от судебного процесса своих подданных, среди которых были и простые *верующие*, и *епископы*истинной Христовой Церкви. Часть *добрых людей*он выведет из замка по потайному ходу в скале, известному лишь избранным, и временно спрячет их в ущельях Галамюса. Возможно, удастся переправить некоторых в Арагон или даже в Ломбардию...

Молодой сеньор поднимался на вершину крепости. Из-под камня ему навстречу вынырнула общая любимица — Бланш. Эту кошечку, пушистый белый комочек, трясущийся от страха, его жена Герия и маленький сын Бертран еще осенью принесли из деревни Лиму́. Малышка пряталась в куче мусора от расквартированных там крестоносцев. Церковники преследовали не только *верующих* Лангедока, но и ни в чем не повинных кошек, считая их пособниками дьявола. Бедные животные, Божьи создания… Если их находили, то безжалостно убивали, а черных и вовсе сжигали на кострах.

Как-то Корбье обмолвился, что в Риме христиан Лангедока пренебрежительно называют *катарами*... Церковники утверждали, будто это слово происходит от латинского названия кошек, с которыми «еретики» якобы проводят свои тайные обряды. Все это бред, полнейший бред! Никаких обрядов с животными *совершенные*, конечно же, не устраивали…

Бланш доверчиво потерлась о ноги Гийома. Он наклонился, погладил пушистую спинку и в ответ услышал ласковое урчание.

— Ты здесь в безопасности, малышка.

Кошка словно поняла его: она нежно боднула его ладонь и замерла. Здесь, за мощными стенами крепости, ей действительно ничего не угрожало.

А вот и самая верхняя точка плато — любимое место Гийома. Здесь он мечтал воздвигнуть башню в честь святого Георгия и верил, что этот день обязательно настанет. Сеньор смотрел вдаль, любуясь красотой благословенного края. Перед ним расстилалась живая картина Лангедока: густые леса, извилистые реки, виноградники и пастбища. Внизу виднелись мирные крестьянские дома, полные детворы, а на горизонте высился шпиль Керибюса — соседнего замка, оплота Арагонской короны.

В этот теплый майский день отсюда, с высоты птичьего полета, открывался величественный вид на лазурную гладь Средиземного моря.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Добро пожаловать в Лангедок

Визу удалось получить на редкость быстро. Помогла мама. Вернее, ее третий муж Януш. Вообще, Ольга Дмитриевна умудрилась сходить замуж четырежды, с каждым избранником жила душа в душу и после расставания сохраняла идеальные отношения. Полгода назад на ее шестидесятилетии присутствовал полный состав этого «клуба бывших». Причем второй и третий экс-супруги явились на торжество с новыми женами, а с четвертым мама на тот момент еще состояла в законном браке. В прошлом месяце они с Тимуром Аркадьевичем все-таки расстались, но продолжали созваниваться каждый день, чему Миша регулярно был свидетелем. Как у нее это получалось — загадка для всех, кроме Михаила. Просто мама очень открытый человек, умеющий во всем искать позитив. Она умеет слушать, искренне сочувствовать, прекрасно разбирается в мужской психологии и всегда соглашается с мужчинами. Или делает вид, что соглашается.

Миша был сыном от первого брака, от первой большой любви. После смерти Василия, Мишиного отца, Ольга Дмитриевна не озлобилась. Она смогла сохранить в себе друже-

любие к миру и привить его сыну.

В общем, с визой помог Януш — поляк и бывший сотрудник польского посольства, которому в свое время ради брака с Ольгой Дмитриевной пришлось оставить дипломатическую службу. После развода он недолго горевал в холостяках: снова женился на русской и даже успел стать папой. Позвонив Мише, Януш в свойственной ему шутливой манере выдал: «Прошэ пана Михайла, жеби ютро о годзине первшей пшишеди до амбасади польски»3[3].

Вот так просто, оказывается, можно получить «шенген»! Михаил собрал документы, в назначенное время подошел к служебному входу консульства и через два дня держал в руках паспорт с годовой визой.

Романов тут же взял билет до Тулузы с пересадкой в Стамбуле. В любое другое время он бы обязательно завис в Стамбуле на пару дней. Бродил бы по городу, жуя кунжутные симиты, или катался на пароме по голубым водам Босфора, разглядывая силуэты древнего Константинополя. Зашел бы в Айя-Софию, заглянул в османскую мечеть Сулеймание, отведал бы кёфте... Да мало ли чего можно предпринять и увидеть в Стамбуле!

Но сейчас у Миши был строгий маршрут: «Москва – Стамбул – Тулуза» и… предстоящая встреча с Ларисой Но-

---

[3] 3 Proszę pana Michała, żeby jutro o godzinie pierwszej przyszedł do ambasady polskiej: Прошу пана Михаила подойти завтра к часу дня в польское посольство (польск.).

совской. Произнести ее новое французское имя... *мадам как-ее-там* он так и не смог.

И вот теперь, когда виза была в кармане, а билеты куплены, Михаила накрыл легкий мандраж. Профессионального профайлера одолело беспокойство и нахлынуло давно забытое волнение — надо честно признаться — от ожидаемой встречи с Ларисой.

— Ну что, волнуешься? — ухмыльнулся Василий, высовывая усатую морду из дорожного Мишиного чемоданчика.

— Ты как туда просочился? Подвинься, Вась, я еще вещи не уложил.

— А я и не претендую, — кот лениво потянулся. — Знаю же, что меня не берешь. Завтра Мам-Оля приедет, скучать не придется. А ты не дрейфь, и без Васеньки справишься.

— Справлюсь?

— Всегда справлялся. Ты же у нас «лучший в своей области».

— Так это я с другими справлялся... с *чужими*. А тут...

— *Свои*?

Миша замер с теплым свитером в руках. Зачем он его вообще взял? На дворе лето, Франция, не на север же летит... Но мысли были совсем не о вещах. Кот в чемодане явно позволяет себе лишнее. Лежит, глаза зажмурил, зараза. По хвосту и лапам видно, что ухмыляется. Неужели Васька прав, и он ее не забыл? Какая она сейчас? Эх, Лариска-киска-ириска... Вдова. Двое детей.

— Мраав, — кот перебрался на диван. — Ага, она теперь свободная женщина, — безошибочно перевел Миша с кошачьего.

Самолет в Тулузу из Стамбула вылетел на три часа позже. И хорошо, иначе Романов точно бы на него опоздал — московский рейс тоже безбожно задержали. Из Москвы до Стамбула он почти все время спал, а вот на втором перелете сон как рукой сняло. Одолевали мысли о «деле», с которым ему предстояло столкнуться во Франции. Как бы он ни сопротивлялся и ни уверял себя, что летит просто в гости, расследование, которое затеяла Лариса, явно станет его главной задачей. Придется копать, анализировать, сопоставлять. Гибель ее мужа. Странная авария. Необъяснимые происшествия с ней и детьми. Внезапная смерть собаки. Отравление соседки... О чем она еще упоминала? Что в этом калейдоскопе — трагическая случайность, а что — тонко спланированное преступление? Ответы придется искать ему. Ведь он летит в неизвестный Лангедок не путешествия ради, а чтобы помочь Ларисе Носовской. И поможет.

Волнительные чувства юности, первая любовь, ее сын, личные отношения — все это должно отойти на второй план. Первым делом надо понять, насколько правдив ее рассказ. Он обязан считать ее мотивы так же безошибочно, как считывает любого другого человека. Получится ли? Должно, если максимально отстраниться от эмоций. А остались ли они,

эти эмоции? Как оказалось, они никуда не делись, а просто затаились глубоко внутри. Стоило сработать «спусковому крючку» — и все нахлынуло с новой силой. Значит, надо притушить их снова, чтобы разобраться, где фантазии или женские эмоции, а где сухие факты. Вопрос с сыном также можно первое время не поднимать.

Но этот вопрос подняла сама Лариса. При первой же встрече.

Он увидел ее сразу. И хотя встречающих было немало, *он увидел ее сразу*. Все остальные люди, их лица, одежда, обстановка в зале прибытия виделись как будто в тумане, а она выделялась, поэтому взгляд безошибочно остановился на нужной фигуре. Да, он немного волновался, самую капельку. Но в этот момент остатки мандража испарились. На душе стало удивительно спокойно и ясно.

Лариса с хитрой улыбкой держала табличку с его именем, написанным латиницей, но Миша смотрел мимо букв. Она почти не изменилась. Разве что загорелое лицо чуть заострилось, а у глаз залегли еле заметные лучики-морщинки — их он разглядит позже, в машине. Светлые волнистые волосы теперь были короче, до плеч, и эта игривая прическа ей невероятно шла. На Ларисе были яркие летние брюки и полупрозрачная персиковая блузка. Струящаяся ткань не скрывала фигуру, и Миша с облегчением отметил: его опасения были напрасны. Романов нормально относился к пышным фор-

мам, но сам всегда предпочитал субтильных, хрупких женщин. Лариса осталась точно такой же тоненькой, как в студенческие годы. Ни грамма лишнего веса после двух родов.

Как будто и не было этих шестнадцати лет. Интересно, а в ее глазах он сильно изменился?

— Привет, — радостно сказала Лариса и чмокнула его в щеку.

— Привет, — он обнял ее, коснувшись щекой ее волос. — Рад тебя видеть. Очень рад. Даже сам не ожидал насколько.

— Я тоже ужасно переживала. Но увидела тебя — и отпустило. Главное, что ты здесь. — Она снова прильнула к нему и задержалась в его объятиях. — Поехали?

— Поехали, конечно.

Они вышли на парковку, остановились у зеленого «фольксвагена».

— Присаживайся. Я за рулем.

— Понимаю. И не претендую. Нам долго ехать?

— Больше часа, сто десять километров.

— Ого. А говорила, что все рядом.

— Поближе к нам есть аэропорт в Перпиньяне, но из Турции туда только чартеры летают или нужно две пересадки делать. Так что Тулуза — самый простой вариант.

Лариса расплатилась картой у шлагбаума и уверенно, без навигатора, вывела машину на автостраду. Было очевидно, что этот путь она проделывала не раз.

— Мы быстро доедем, не волнуйся.

— Я не волнуюсь. Жаль только, что за окном темно. Не увижу ваших красот.

— Еще насмотришься, обещаю. Я буду твоим личным гидом.

— Ты сейчас не работаешь?

— Пока нет. Если ты о финансах, то живем на накопления и страховку. Муж, как выяснилось, застраховал свою жизнь. Я об этом даже не догадывалась. Наконец-то нам разрешили доступ к счету — по закону должно было пройти полгода. О трудоустройстве подумаю позже. Сначала нужно разобраться со всеми текущими проблемами. Сейчас я просто не в том состоянии, чтобы строить планы. Лучше о себе расскажи.

— О себе рассказывать особо нечего. К тому же, судя по всему, ты и так в курсе. Наши сокурсницы работают получше любого информбюро. Я с ними от силы раз в год вижусь, но они умудряются знать обо мне все, — он рассмеялся.

— Положим, не всё. До меня дошло лишь то, что ты до сих пор не женат. Ни разу не рискнул. И еще я знаю, что у тебя есть Кот! Именно так, с большой буквы.

— Чего? А про кота-то откуда знаешь?

— На поминках Ильича ты знатно подвыпил и хвастался, какой у тебя гениальный кот есть. Василий Михалыч. Маринка, когда пересказывала, просто хохотала, а я сразу поняла, что для тебя это важно. Этот Кот важен для тебя, он твой друг.

Миша с удивлением и некоторой растерянностью посмот-

рел на Ларису. Тоже мысли читает? Да нет, просто ее знаменитая интуиция. Еще со студенческих времен Лара Носовская интуитивно сложнейшие психологические задачки щелкала.

Тонкий профиль, сосредоточенный взгляд на дорогу… Не снимая рук с руля, Лариса мельком взглянула на него и улыбнулась:

— Угадала? Он твой друг?

— А то! Выше бери! Напарник, советчик и эксперт по чтению мыслей, — ухмыльнулся Миша. — Без шуток.

— Я верю. Моя Альма была такой же. Та самая собака, о которой я тебе рассказывала... Я с ней постоянно разговаривала, и она всё понимала. Ладно, потом расскажу подробно.

— Ты меня в отель везешь?

— Нет. Будешь жить у нас, гостевая комната готова. Родителей я предупредила. Они не против и даже, наоборот, обрадовались, что к нам едет мой близкий родственник из Москвы.

Она ненадолго замолчала, уводя «фольксваген» с трассы. Свет фар выхватил из темноты старинную каменную церковь; они миновали спящий провинциальный городок и выскочили на узкую муниципальную дорогу.

— Почему я назвала тебя родственником, не спрашиваешь?

— Понимаю, — отозвался Миша.

— Нет... Не потому, что я вдова и должна выдерживать

траурный приличный срок. Сейчас тебе объясню... Родителям завтра же тебя представлю.

— Как скажешь.

— С детьми, скорее всего, тоже завтра познакомлю. Мы поздно приедем, они уже по своим комнатам разбрелись. Завтра им в школу.

— В июне?

— Да, здесь учатся до конца месяца, каникулы только через две недели... Так вот, про родственные узы. Мне нужен один очень важный разговор. Я говорила, что у нас с Жаном двое детей. Пете, сыну, пятнадцать, дочке Соне — семь.

— Я отлично лажу с детьми, не переживай. Меня даже почти не раздражает писк на игровых площадках, — Миша улыбнулся. — Ну, может, самую малость, если честно.

— Так вот, о Пете, — тихо продолжила она, выруливая на муниципальную трассу. — Он родился семнадцатого апреля. И он не твой сын, Миша. Ребенок физически не может родиться через одиннадцать месяцев после любви.

Лариса говорила ровно, чеканя слова и глядя на залитый светом фар асфальт. Ни одного взгляда в его сторону. Миша замер. Сердце пропустило удар. Она сказала именно *«после любви»*, а не после секса или той прощальной ночи. Профайлер внутри него приказал молчать и слушать.

— Но по какой-то безумной иронии судьбы... или еще чего, не знаю... он очень похож на тебя. — Лара произнесла эту фразу и смущенно повела плечом. — Я заметила это, ко-

гда ему исполнилось три года. Честно, у меня у самой земля ушла из-под ног, хотя умом я понимала, что это невозможно. Я даже сделала ДНК-тест. Потому что сходство пугающее, понимаешь? Да что я говорю, сам увидишь. Ну, мой отъезд, наша ссора и вообще все так странно произошло. Беременная я часто о тебе думала. Доводила себя, сомневалась, правильно ли поступила. Видимо, Петя это впитал и родился твоей копией. Это рок какой-то. Я от тебя бежала, а он мне каждый день о тебе напоминает. Глаза только Жана, фигура. Я говорю тебе это заранее, чтоб ты не удивлялся и не задавал мне вопросов потом. Сын не твой, нет. Но похож на тебя, Миша.

Странно, но Романов почувствовал облегчение. Не потому, что Петя не его сын (он хотел, чтобы было по-другому и одновременно боялся этого), а потому, что Лариса *сказала* об этом, причем сделала это просто и ясно, очень искренне. Самый сложный вопрос отпал сам собой. Жаль немного, он стал привыкать к мысли, что где-то в далекой Окситании у него есть сын.

Говорить или нет, что он готов был к такому разговору? Что три месяца назад их общий однокурсник Коля Волков рассказал, как встретил Ларису с Петей и сделал вывод, что мальчик — сын Романова? Что с тех пор Миша живет с этой мыслью? Но после слов Ларисы его рассказ может показаться неуместным.

Его ошеломила ее искренность. Его Лариска-ириска, ока-

зывается, уехала и вспоминала о нем всегда... Да *так* вспоминала, что ее сын по каким-то необъяснимым законам природы родился с его, романовскими, чертами. (Этому явлению есть «антинаучное», как считают официалы, объяснение — «генетический отпечаток» сильных мыслей матери во время беременности.)

Любила? А зачем же тогда уехала? Но этот вопрос он не задаст ни сегодня, ни завтра... Возможно, однажды настанет момент и для ответа на этот, мучивший его долгое время, вопрос.

— Честно говоря, история удивительная. Буду рад познакомиться с Петей. Хорошо, что ты мне об этом рассказала, — ответил он взволнованно.

— Я не могла иначе. Ты бы спросил об этом сразу. Увидишь Петю и все поймешь.

— Такого в моей психологической практике еще не было. Спасибо за честность, Лар. Ну, что ты думала обо мне... да так, что «надумала» похожего пацана.

— Ага, «надумала», — она добродушно хмыкнула. — Так вот, чтобы избежать вопросов, я всем сказала, что ко мне едет родственник.

— И в качестве кого ты меня представишь? Какая степень родства, а?

— Ты мой двоюродный брат, Миша. Наши отцы родные братья. Вы с Петей, получается, похожи на общего предка: твоего деда, а его прадеда. Другого я не смогла придумать.

— А что, твой отец сможет эту версию подтвердить?

— Я жила с отчимом, Миш. Отца совсем не знаю. Как будто его и не было никогда. Для всех он умер. Так что версия вполне рабочая. Согласен?

— Согласен, конечно. И я действительно похож на деда. Отец мой умер, когда мне было три года...

— Я помню об этом.

— Вполне логично получается. Мы остались без отцов, нас воспитывали отчимы. У меня было аж три официальных, — он засмеялся. — Но дед долго прожил, год назад ушел... Я найду его фото. Для убедительности.

Он положил руку на ее ладонь. Ладонь дрогнула, машину чуть повело вправо.

— Но... я бы хотел, чтобы Петя был моим сыном.

Она пожала плечами. На языке жестов это могло означать кроткое извинение: «Прости, но уже ничего не изменишь».

Затем они болтали обо всем и ни о чем — о вещах совершенно незначительных на первый взгляд. Но главным было не то, *что* они произносили, а *как*. Они общались, как двое любящих людей, которые по понятным лишь им причинам отчаянно прятали свои чувства. Чтобы не ранить. Чтобы не навредить. В строгом соответствии с законами человеческой психологии…

Приехали домой почти в полночь. Дети уже спали. Миша от ужина отказался, ограничился пирогом с чаем.

В гостевой комнате уместилось все необходимое для от-

дыха: большая двуспальная кровать, стол, два стула и кресло, душ и туалет. Романов принял душ и завалился в постель с намерением немного побродить по интернету, но через минуту заснул. Спал крепко, не просыпаясь, до самого утра.

Тайны Ренн-ле-Шато

Когда Михаил спустился в гостиную, Лариса с кем-то оживленно спорила по телефону. Не прерывая беседы, она кивнула, указала ему на стул у обеденного стола и жестом дала понять: звонок важный.

Пока она была занята, Михаил подошел к каминной полке. Его внимание привлекла семейная фотография в стильной серой рамке. На цветном снимке Лариса, Жан и дети счастливо улыбались в объектив. Романов взял ее в руки, внимательно разглядывая детали.

— Ты все-таки вовремя приехал. Я же говорила, что одна не справлюсь, — возбужденно бросила Лариса, швырнув телефон на кресло.

— Доброе утро, Лар, — Миша аккуратно вернул снимок на место и сел за стол.

— Ой, извини, Миш. Доброе. Хотя кто его знает, насколько оно доброе, — она растерянно пожала плечами. На этот раз ее мимика и жесты транслировали не извинение, а неуверенность и тревогу.

— Что там у тебя? Рассказывай.

— Сейчас... Ты чай или кофе с утра пьешь? Забыла вчера спросить. Яичницу с беконом будешь? Или предпочитаешь что-то другое?

— Кофе, и побольше. Желательно с молоком. А остальное на твое усмотрение, я неприхотлив.

Лариса выставила на стол сыры, йогурты, баночки с разной провизией, пожарила яичницу, сварила кофе в гейзерной кофеварке. Кофейный аромат заполнил кухню, когда она начала рассказывать:

— Звонил месье Морель — доктор из частной психиатрической клиники в Лиму́. Я о ней вообще не имела понятия. То есть слышала, что есть такая, но никто из нашей семьи туда никогда не обращался. По крайней мере, я так думала. А он заявляет: «Мадам, я нашел медицинскую карту вашего мужа. Здесь есть кое-что любопытное». Я ему: «Мой муж погиб полгода назад. Он не был вашим пациентом». Доктор в ответ: «Ошибаетесь, мадам. Был». Представляешь? Потом добавил, что знает про аварию… Изучив документы, он сильно засомневался, что ДТП было случайностью. Как тебе сюжет? Я же говорила, во всей этой истории кроется что-то странное! В общем, в полчетвёртого он нас ждёт. Поедем вместе. До трех у него прием. Вот видишь! А ты не верил, что все серьезно.

— А вот это уже действительно интересно, — Миша сделал глоток обжигающего кофе. — Ты вчера обронила... один факт, да. Страховка. Зачем Жан застраховал жизнь на такую

сумму? Может, он был смертельно болен? Извини, что озвучиваю это, Лар... Но вдруг это сознательное самоубийство?

Лариса посмотрела на него озадаченно.

— У него не было никаких скрытых болезней. Побаливал желудок иногда. Не мог же он таить от меня онкологию… Нет, исключено. Да и если предположить такой бред — при суициде нам бы никто не выплатил страховку. И вообще... Если человек неизлечим, зачем уходить так… не по-человечески? Зачем устраивать аварию? Можно же было просто дождаться конца. Господи, о чем я говорю! Это мой муж. А я рассуждаю о нем, как о постороннем человеке. — Она вдруг разрыдалась. — Прости. Что-то я совсем расклеилась. — Лариса быстро вытерла слезы бумажной салфеткой. — Все, не буду.

— Дети в школе? — Миша решил сменить тему.

— Да. За дочкой нужно съездить к четырем. Попрошу родителей, мы из клиники вернуться не успеем. А сын доберется сам. Вечером у нас семейный ужин.

— Версия с двоюродным братом остается в силе?

— Конечно! — Лара ответила мгновенно, с легкой тенью испуга в голосе.

— Отлично. Я попросил маму найти в альбоме старое фото деда Павла Андреича, переснять и скинуть мне. Она у меня мировая. Удивилась, конечно, но лишних вопросов задавать не стала.

— До визита в клинику у нас есть время, — Лариса заго-

ворцически улыбнулась. — Предлагаю небольшую вылазку. Ты как к историческим тайнам относишься?

— А кто к ним плохо относится?

— Я думала, куда организовать твой первый визит в нашем Лангедоке.

— Каркасон?

— Не-а. Это потом. Есть кое-что поинтереснее. Ты Дэна Брауна читал?

— Да. Что именно?

— «Код да Винчи».

— Разумеется. Когда роман перевели, в нашем высокоинтеллектуальном сообществе, — Миша изобразил пальцами кавычки, — считалось дурным тоном его не прочесть. Я, конечно, смутно помню детали, но с точки зрения криминалистики и психологии там были любопытные зацепки.

— Ну, ты, наверное, помнишь, что сюжет закручивается вокруг убийства куратора Лувра Жака Соньера, и главный герой Лэнгдон потом его расследует?

— Помню. Бегает от Интерпола, мечется между Парижем и Лондоном, улетает в Шотландию. — Миша улыбнулся. — Хорошо запомнил, что тело Соньера нашли обнаженным, в позе «Витрувианского человека» Леонардо. Да еще и с шифром на туловище. Как профайлеру мне этот маркер показался интересным — явное послание убийцы. Было над чем помозговать. А вот приключения Лэнгдона и... как её там... внучки куратора уже вылетели из головы. Но финал меня,

помню, повеселил. И если б только меня! Ватикан тогда здорово лихорадило. Шутка ли: Христос, оказывается, обычный человек, был женат на Марии Магдалине, оставил потомство, и его кровные наследники до сих пор преспокойно ходят среди нас. Ага.

— А еще феминистки всего мира взбодрились! — Лариса засмеялась. — Им понравилось, что Дэн Браун признал Марию Магдалину самым важным человеком для Иисуса, его женой и соратницей. И что церковь это скрыла и переиначила. И продолжает скрывать по сей день.

— В любом случае именно на этой теме Браун создал себе имя и заработал много денег. И я его хорошо понимаю.

— Но он же не на пустом месте этот сюжет закрутил.

— Читал-читал. Знаком с этой, как говорят, альтернативной точкой зрения, и впервые она появилась отнюдь не у Брауна. С ним потом даже судились авторы книги «Святая Кровь и Святой Грааль». Многое он у них, как бы это сказать повежливее, *позаимствовал*… — Миша ухмыльнулся. — Спасибо, завтрак отличный, — он облокотился на спинку стула и поинтересовался: — А вот почему *ты* подняла эту тему, я пока не пойму. Объяснишь?

— Естественно. Немного тебя умностями загружу, не возражаешь?

Миша кивнул: давай!

— Объясняю почему. Я живу здесь шестнадцать лет и не устаю изучать всякие источники по истории этих мест.

Так вот... Бейджент, Ли и Линкольн, авторы книги «Святая Кровь и Святой Грааль», тоже далеко не оригинальны! *Источником их книги*стала работа французов Жерара де Седе и Пьера Плантара «Золото Ренн или странная жизнь Беранже Соньера, священника Ренн-ле-Шато». Позже книгу переименовали в «Проклятый клад». Короче, я изучила все, что доступно и не совсем доступно: и научные источники, и альтернативные, и детективы.

— И? К чему ты клонишь?

— Собирайся. Поедем в Ренн-ле-Шато. Это недалеко от нас.

— Поедем. С тобой — куда захочешь. Готов ехать даже очень далеко.

Лариса смущенно хмыкнула. Миша сделал вид, что не заметил ее смущения.

— Это название мне о чем-то говорит, хотя книгу про клад я не читал и первый раз о ней слышу. Но я не настолько изучал ваши окситанские тайны.

— Это тайны Лангедока, — добавила Лариса многозначительно.

Уже в машине она подняла неожиданную для Михаила тему:

— Знаешь, почему Браун дал именно такое имя убитому куратору?

— Понятия не имею. Или забыл.

— А помнишь мою нынешнюю фамилию? По мужу?

— Так, подожди… Соньер. Точно, Соньер! И что это значит? У меня вот фамилия Романов, но к царской династии я отношения не имею. А что касается книги… Насколько я помню, это чистый вымысел, интеллектуальный детектив. Или куратор Лувра как-то связан с тем самым аббатом из книги про клад? То есть реальный священник все-таки существовал? Он не выдуман?

Лариса качнула головой: нет, не выдуман.

— А может, автору просто фамилия приглянулась? Она здесь часто встречается? Например, у твоего Жана.

— Как тебе сказать… — она загадочно улыбнулась.

— А так и скажи. — Миша с профессиональным интересом считал этот жест. Интригующее начало! — Это ваше Ренн-ле-Шато… Оно как-то связано с катарами? У вас же тут любой камень с ними ассоциируется.

— И с катарами. И с тамплиерами. И с розенкрейцерами.

— Ого! Полный конспирологический набор.

— А вот сейчас сам все увидишь и решишь, конспирология или, как говорится, «что-то в этом есть». Ага, — Лариса весело подмигнула. — И возможно, убитый в самом начале романа хранитель Лувра — на минуточку, Великий магистр Приората Сиона! — *неслучайно* носит фамилию таинственного аббата из Рен-ле-Шато.

— Лара, но ведь давно доказано, что Приорат Сиона — чистой воды мистификация, — возразил Миша. — Выдумка француза Пьера Плантара, обычный детективный фейк.

Он просто создал это тайное общество в своем воображении. Никакого «Приората» никогда не существовало.

Лариса молча кивнула. Что именно означал этот жест, Романов так и не раскусил: согласие или снисхождение к его неосведомленности?

— А еще Браун дал инспектору французской полиции имя Безье, — продолжала она. — Точно так же называется старинный город здесь, по соседству. Слишком много географических совпадений для одной книги, не находишь?

Миша спорить не стал. Если Ларисе важно выговориться — пусть говорит, он пока просто пытался нащупать скрытый мотив этого монолога. Он переключил внимание на пейзаж. «Фольксваген» петлял по извилистой, окутанной зеленью дороге. Они миновали два аккуратных поселения, утопающих в цветах, с пасторальными домиками. Вдали, на фоне неба, проявились очертания древних каменных стен.

— Как здесь красиво! Какие места, Ларис! Что за руины?

— Холм Безю. Вон те развалины средневековой крепости — бывшее командорство тамплиеров. А чуть восточнее, видишь, находятся руины замка Бланшфор — родного дома Бертрана де Бланшфора, четвертого Великого магистра ордена.

— То есть у вас тут отметились не только катары, но и рыцари Храма?

— Кельты, вестготы, катары, тамплиеры…

— Другая планета, непохожая на остальную Францию.

Хотя я мало где побывал, но здесь все необычное. Другое.

— Здесь и менталитет другой. Я ведь неслучайно устроила тебе этот опрос по Дэну Брауну. Когда-то этой территорией владели кельты, затем их сменили римляне, оставив после себя ворох легенд. По преданию, именно на южное побережье Галлии в сорок втором году нашей эры высадились Мария Магдалина и ее смуглая дочь Сара. Многие местные исследователи втайне уверены, что обе они нашли последний приют именно в этих землях. Отсюда на юге Франции такой культ «черных мадонн» и столько храмов в честь Магдалины.

Миша слушал ее затаив дыхание, но с чисто детским восторгом продолжал разглядывать проплывающие мимо пейзажи.

— Так может, в здешних местах нашел свое последнее пристанище не умерший на кресте Иисус? — иронично поддел он ее.

— Существует и такая гипотеза.

— Ты сейчас серьезно?

— Абсолютно. Не спеши скептически ухмыляться!

Миша опять растерялся: шутит она или говорит искренне? Лариса блокировала все попытки считать ее истинные мысли — редкий сбой в его практике. Она продолжила:

— В третьем веке на смену римлянам пришли вестготы. Сначала они были язычниками, но вскоре... — она сделала паузу и лукаво посмотрела на Михаила, — приняли христи-

анство. Правда, в арианском его варианте. Помнишь историю религий, которую нам читал профессор Заздравнов? Он ведь подробно на этом останавливался.

— Каюсь, подобные богословские тонкости я напрочь забыл. И что это за версия?

— По имени Александрийского епископа Ария. Версия, в которой Иисус — проповедник, но не Бог. Иисус — это божье творение, не единосущное и не подобное Богу. Император Константин в ходе Никейского собора триста двадцать пятого года признал версию Ария ересью, несмотря на то что тогда Ария поддержало большинство епископов. И лишь малая часть их считали Иисуса сыном Божьим, то есть Богом. К началу седьмого века арианство на территории Европы практически исчезло. *И только в Лангедоке эта версия христианства прошла через века: в религии катаров, тамплиеров и розенкрейцеров*. Вот отсюда и менталитет Лангедока.

— Занятно. Официальная католическая церковь считала эти взгляды ересью. И катары были уничтожены…

— …потому, что Рим увидел в учении катаров зарождающуюся новую религию, построенную на совершенно иных принципах, — перебила его Лариса. — И это было очень опасно для погрязшей в грехах официальной церкви. Катаров не интересовали деньги или власть, они стремились найти самый близкий путь к Богу через познание и любовь. *«Сие золото мира есть гноение души»*. И кому такое понравится?

Впереди, на холме, появилась нависшая прямо над обры-

вом квадратная башня в готическом стиле с зубцами на крыше.

— Ух ты, что за башня? — Миша показал рукой. — Средневековая?

— Нет, не угадал. Это башня Магдала. Ее построил священник Беранже Соньер в начале двадцатого века. Это библиотека в виде средневековой башни. Мы приехали в Ренн-ле-Шато.

Потом они бродили по деревне, где Миша не раз встречал таблички: «Раскопки запрещены». Это еще что такое? Какие раскопки?

В музее Соньера, Лариса, как первоклассный гид, рассказывала загадочную историю аббата. Миша слушал ее с долей скепсиса. Который, впрочем, старался скрыть.

— В раннем Средневековье Ренн-ле-Шато назывался Реда, что на латыни означает «Колесницы». Местный историк Луи Федье выдвинул предположение, что этот город был основан в пятом веке вестготскими королями Тулузы. Есть и другие версии, но мне нравится эта. До сих пор можно встретить это название — Реда. Исторически Реда была столицей! Потому что город стоит на дороге, которая связывает Северную Европу с городом Сантьяго-де-Компостела в Испании — по ней в старину проходили паломники. Знаешь, вся эта местность полна легенд прошлого: богатого и трагического. Эта небольшая деревушка и ее окрестности — самые таинственные места в истории о вестготах, катарах и тамплие-

рах. А еще деревня Ренн-ле-Шато в начале двадцатого века стала источником мистических слухов. Здесь жил и работал в течение тридцати двух лет загадочный священник Беранже Соньер, имя которого до сих пор будоражит воображение искателей сокровищ.

— Ага… Значит, «раскопки запрещены» — это относится к поиску сокровищ? И что, есть любители поискать?

— Да-да, таких любителей очень много. Продолжаю. Беранже был обычным священником, пока не нашел старинные зашифрованные свитки… Ты только представь... Конец девятнадцатого века. Неприметная деревенька на юге Франции. Старая, покосившаяся от времени, церковь. И вот в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году небольшой приход Ренн-ле-Шато получает нового священника Беранже Соньера. Ему тогда исполнилось тридцать три года. В течение шести лет кюре живет тихо и спокойно. Он охотится в горах и удит рыбу в речках, знакомых ему с детства, так как *он родом из этих мест*. Это важно, запомни! — Лариса подняла вверх указательный палец и лукаво усмехнулась. — Соньер много читает, совершенствуется в латыни, учит греческий язык и древнееврейский. Он находит служанку, молодую крестьянскую девушку восемнадцати лет по имени Мари Денарно, которая становится впоследствии, вплоть до смерти Соньера, не только помощницей по дому, но, скорее даже, его другом и доверенным лицом.

Беранже часто навещает своего приятеля аббата Анри Бу-

де, кюре из соседнего селения Ренн-ле-Бэн; вместе они обследуют холмы и древние развалины, окружающие их повсюду. — Лариса увлеклась, и тон ее рассказа становился все таинственнее, в голосе появилась металлические нотки, зрачки расширились.

«Да она прирожденный рассказчик! Ей бы книги писать о средневековых тайнах. Но зачем-то она все это мне рассказывает. К чему ведет? Или это обычная экскурсия по знаковым местам? Не похоже… В ее словах явно кроется двойное дно. Слушай, Миша, и наблюдай. Эх, Василия бы сюда — он гениально умеет слушать, подмечать детали и делать выводы…»

Кот вспомнился неожиданно; перед глазами отчетливо и ясно возникла его лукавая мордочка с особенным пятнышком у носа, и тихое, вкрадчивое «мяу» явственно прозвучало в мыслях. Миша даже непроизвольно оглянулся. Но нет, Васьки в зале не было. В углу на старинном кресле-экспонате развалился похожий полосатый кот. Без пятнышка… Но точно с таким же хитрым прищуром. «Привет… не дрейфь, все под контролем», — мяукнул музейный кот.

Лариса передвигалась по музею — вилле «Бетания», построенной Соньером для приема важных гостей, — как по собственному дому, в котором все известно до мелочей: где расположены и что означают те или иные детали, портреты, артефакты. Было понятно, что в музее она была десятки раз.

— Соньер рассказывает другу кюре, — продолжала она,

— что мечтает реставрировать деревенскую церковь. Церквушка восьмого века, построенная на старинном фундаменте эпохи вестготов, находилась в безнадежном состоянии. Церковное начальство дает аббату две с половиной тысячи франков, что немало по тем временам, но недостаточно для больших работ. А через два года Беранже берет в займы деньги у своих прихожан и начинает осуществлять реставрацию. С этого момента и начинается тайна… — Лариса притихла, прошлась руками по каменной чаше, находящейся в зале с историческими артефактами. — Эта чаша — купель для святой воды — раньше находилась в церкви Святой Марии Магдалины. А теперь на ее месте… ну, ты сам увидишь… — сказала она загадочно.

Ох уж эти загадки!

— По ходу работ Соньеру пришлось перенести на другое место алтарный камень, покоившийся на двух колоннах эпохи вестготов. Вот она, рыцарская плита, — Лариса показала на плиту из песчаника, — она состоит из двух панелей с колоннами. Есть версия, что под ней он обнаружил горшок с золотыми монетами и пробитый череп.

— Ты рассказываешь так, как будто все это видела своими глазами. Ты лично в это веришь?

— Слушай дальше... — она ушла от прямого ответа. — Одна из этих колонн оказалась полой, а внутри лежали деревянные запечатанные трубки, в которых аббат находит четыре пергаментных свитка. Три содержат генеалогические дре-

ва: один документ датирован тысяча двести сорок третьим годом — тринадцатый век! — и имеет печать Бланки Кастильской, второй — от начала семнадцатого века с печатью Франсуа Пьера д'Отпуля, третий — конца семнадцатого века с печатью Анри д'Отпуля. Это очень известная аристократическая фамилия во Франции: среди них было много политиков и военачальников. Четвертый пергамент, самый важный по мнению историков, исписанный с обеих сторон, был подписан каноником Жан-Полем де Негр де Фондаржаном и относился к тысяча семьсот пятьдесят третьему году.

В последнем документе содержались отрывки из Нового Завета на латинском языке. Только на одной стороне пергамента слова были расположены непоследовательно, без пробелов между ними, и в них были вставлены лишние буквы; на обратной стороне строчки были оборваны, расположены в беспорядке, и некоторые буквы были написаны над другими. Вероятно, это были различные шифры, и многие очень сложные, без ключа расшифровать их было невозможно. Эти документы существуют!

— Их расшифровали?

— Н-нет… — ответила Лариса, но как-то неуверенно. — Единственное послание, которое удалось прочесть из букв, написанных над словами, звучало так: *Дагоберту Второму, королю и сиону, принадлежит это сокровище, и оно есть смерть.*

— И кто такой этот Дагоберт Второй?

— *Король франков из династии Меровингов*. История дает точную дату гибели короля: двадцать третье декабря шестьсот семьдесят девятого года. Седьмой век на минуточку! А его сыну Сигиберту Четвертому пришлось бежать в Ренн-ле-Шато, на родину его матери Жизель де Разе. Жена Дагоберта Второго родилась в Ренн-ле-Шато, да.

— Что было дальше… у Соньера? — скепсис Михаила не пропадал, но история его заинтриговала. К тому же Лариса в рассказ вкладывала столько эмоций! Признаться, было в ее рассказе нечто… нечто загадочное… непонятное…

— Соньер продолжает реставрационные работы… Скромный служитель церкви стал тратить колоссальные средства на постройку собственной усадьбы, устраивать роскошные приемы, открыто ссориться со своим епископом. И вот поползла молва… Хм-м… Молва упорно связывала богатство кюре с таинственным сокровищем, которое Соньер нашел во время реставрации приходской церкви. Что еще интереснее, распространился слух, что простой кюре стал обладателем страшной тайны, позволившей ему даже шантажировать Ватикан и самого папу римского!

А как иначе объяснить, что, начиная реставрацию старинной церкви, кюре, собирающий поначалу деньги с прихожан для самых простых работ, впоследствии в один миг расплатился с долгами и стал тратить большие суммы не только на реконструкцию церкви, но и прокладывать водопровод до деревни, строить железную ветку до подножия холма, на

котором стоит Ренн-ле-Шато. Еще он покупает земельные участки на имя служанки Мари Денарно, строит вот эту виллу, стеклянную башню, бельведер и башню Магдалы, которую ты увидел сразу, подъезжая к Ренн-ле-Шато.

— Даже если предположить, что Соньер нашел сокровище, что здесь такого уж тайного? Нашел, построил на эти деньги много чего хорошего для себя и для деревни, восстановил церковь. Тайна-то где? Да, наверное, исторические документы в колонне, если ты утверждаешь, что они реально существуют, — это интересные артефакты, много всего любопытного могут рассказать о времени и об эпохе. Но такие артефакты и сейчас находят по всему миру. У инков, ацтеков, египтян, мальтийцев, этрусков и у нас на Алтае, например. Лариса, ты рассказываешь очень увлекательно, я прямо растаял от твоего голоса, но какая связь с Дэном Брауном и… ну… с темой Иисуса, с которой ты начала нашу беседу?

— Сейчас пойдем в церковь, и ты все поймешь. Да… Еще… На смертном одре Соньер захотел исповедаться. Его друг-священник, принявший исповедь, не смог отпустить ему грехи. Представляешь? Не смог отпустить грехи аббату Соньеру! А еще в Каркасоне появился новый епископ, и он потребовал от Соньера показать счета за расходы, которые тот так и не смог предъявить. Тогда епископ отстранил Соньера от служения и начал расследование.

— То есть простой французский кюре нашел нечто такое, что… — Миша на минуту задумался, как правильно сфор-

мулировать мысль, — …что *могло навредить католической церкви*? Ты на это намекаешь? Что же он мог найти? Сокровища катаров или тамплиеров? Старинные рукописи, содержащие разоблачение основ христианской веры? А может, Святой Грааль, который с такими приключениями искал герой Дэна Брауна? — шутливо спросил Миша.

— Все может быть! — серьезно, без тени шутки, ответила ему Лариса. — Ты зря иронизируешь. Мне кажется, именно *наличие у катаров Святого Грааля* вместе с их *знаниями* и заставило официальную церковь организовать крестовый поход против них. Поход за сокровищами! Объяснение, естественно, Рим придумал другое: ересь! Катары сопротивлялись крестоносцам. Они охраняли *сокровище совершенных* — так они называли святые реликвии — от жадных франков и папских легатов, шли на костер. Было в истории катаров еще *нечто*, кроме просто идей. И если рассматривать историю альбигойцев через историю о Святом Граале, то можно многое, происходившее в те времена, объяснить. И вообще, *катаров часто называют Хранителями Грааля*. Ведь неслучайно предания о Граале не признаются официальной церковью! Не кажется ли это странным? Во всех Евангелиях рассказывается о Тайной вечере, но умалчивается о Чаше, из которой Иисус Христос вкушал вино, а позже в нее была собрана его кровь…

— Лара, я понимаю, что ты погружена в историю этого края, но Святой Грааль — это красивый миф. Я бы сказал,

это *символ поиска недостижимой цели*. У того же Брауна это вообще не Чаша, а Мария Магдалина…

— Ладно, не буду ни на чем настаивать. Просто прими к сведению, что в церковных трудах нельзя встретить слово «Грааль». Средневековые романы, мифы, легенды и даже научные исследования часто обращаются к этой теме. А вот для церкви таинственная святыня окружена заговором молчания. Понятие «Грааль» — своего рода табу. Почему?

— Если следовать твоей логике и принять за факт существование Святого Грааля, то церковь боится некоего разоблачения.

— Тогда и на инквизицию, и на крестовые походы против альбигойцев можно посмотреть с иной точки зрения. Ну, а возвращаясь к сокровищам…

— Да-да, возвращаемся, — Миша рассмеялся. — Кроме Грааля должны же существовать и другие сокровища? Я уже предвкушаю...

— Еще это могут быть сокровища вестготов или Меровингов, их родословная. На самом деле *в четвертом пергаменте есть указание на спрятанное где-то недалеко сокровище, принадлежащее Меровингам*. Со времен раннего Средневековья в Европе, особенно в наших краях, живет легенда о том, что после смерти Христа его жена Мария-Магдалина с их детьми и Иосифом Аримафейским приехали в Галлию. Иосиф и Магдалина могли привезти с собой не только Святой Грааль, но и тело самого Христа. И эта версия очень по-

пулярна в Лангедоке и во всей Окситании. А еще есть легенда, что меровингский король Хлодион женился на происходившей от потомков Христа и Магдалины женщине, и их сын Меровей дал имя династии. По легенде получается, что Меровинги — франко-еврейская династия. Поэтому нынешние искатели сокровищ ищут не только золото, но *и святые артефакты.* Понятно тебе? Святые артефакты! — повторила Лариса.

— Мне понятно. — Миша ответил без иронии.

— В общем, версия, что аббат Беранже Соньер нашел в колонне церкви либо еще в каких потаенных местах не просто сокровище, а некий документ, раскрытие которого может нарушить весь мировой порядок, не лишена основания. И поэтому Ватикан откупался от аббата крупными суммами денег, чтобы тот молчал. На эти деньги и были построены все здешние здания, на эти деньги аббат вел роскошную жизнь и устраивал богатые приемы, на которые, кстати, приходили высокие церковные чины. Но возможно, как говорят легенды, он обнаружил сокровища тамплиеров или даже Ковчег Завета из Иерусалимского храма.

— Да просто он был самозванцем, ваш аббат. И шантажистом.

— Ты вправе так думать, — улыбнулась Лариса. — Но есть факт: аббатство откуда-то получило много денег. Откуда? Соньер унес секрет с собой в могилу. Пойдем заглянем в церковь. Ее покровителями являются двое святых: Мария

Магдалина и святой Антоний Отшельник, скончавшийся, по преданию, в Галамюсе, в семи километрах отсюда. Ущелье Галамюс — это очень красивое место, оно прорезано небольшой прибрежной рекой Агли — «орлиной рекой», собственно, это естественная граница департаментов Од и Восточные Пиренеи. И еще оттуда совсем недалеко до бывшего катарского замка Пейрепертюз. Руины замка мы обязательно увидим позже… Там такая энергетика, Миша! И мы обязательно поднимемся наверх. Ты должен там побывать. Земли, принадлежавшие Пейрепертюзу, имели большое значение во времена крестового похода. Я бы сказала, стратегическое значение. Хотя сам замок был построен не катарами, но служил им убежищем, как и другие феодальные замки, во время военных нападений.

А вот и церковь. В ней есть тайна! Ты все поймешь… — закончила Лариса свой рассказ и остановилась у небольшой церкви.

А когда зашли в церковь Святой Магдалины, Романову стало нехорошо.

Уже подойдя к двери, он увидел странное изречение на паперти: «Terribilis este locus iste». Он вопросительно глянул на Ларису.

— «Ужасно место сие», — перевела она.

— Церковь — ужасное место?

— Здесь слово использовано, скорее всего, в значении «сильный», «великий».

— Да нет уж. Терриблис. Ужасно — это и есть ужасно! — категорично ответил Михаил.

Его не покидало ощущение чего-то нереального. Вот как объяснить, что он начал чувствовать странные вибрации тела. Пришлось на минуту выйти из храма и вдохнуть воздух.

В церкви у Романова разболелась голова. Он достал телефон, чтобы поснимать. Телефон работал, связь была, но камера… Камера взбунтовалась: не хотела включаться. Потом заработала, но как будто с издевкой: невозможно было навести резкость, картинка плыла… Происходило нечто невероятное. Странное физическое состояние: головная боль, сердцебиение и, ко всему прочему, «бунт» мобильника… Много вопросов. А ещедеревянная статуя голубоглазого Асмодея. В церкви! Чёрт с рогами! А над ним купель для святой воды.

Так вот чем заменил Соньер древнюю чашу, которую Лариса показывала Михаилу в музее, — Асмодеем!

Статуя Асмодея невысокая. Мише, чтобы рассмотреть ее как следует, пришлось перед ней присесть. Присел и невольно обратил внимание, что в такой же позе посвященного «присел» рядом и Иисус.

«Ого, какая компания: Асмодей, Иисус и я!» — нелепая мысль пронзила голову.

— Асмодей — хранитель сокровищ, — ответила Лариса на немой вопрос Михаила. — Возможно даже, что сокровищ Иерусалимского храма!

— Сокровища… Снова сокровища! — пробурчал он.

На барельефе алтаря — Магдалина. Это ей посвящена церковь. И вообще, все убранство церкви полно тревожных деталей, которые можно истолковать по-разному. Росписи, статуи, даже шахматные полы, кафедра... Каждый элемент церкви хранит в себе тайну.

А дальше… Романов замер. В апсиде храма друг напротив друга стоят двое: Мария и Иосиф. *И у каждого в руках по младенцу: один в объятиях Марии, другой — на руках Иосифа. Как это понимать? Их два? Два Иисуса?*

У него снова закружилась голова и задрожали колени. Мышление у Романова было очень рациональным, однако объяснить происходящее одной логикой он не мог. В такие моменты всегда подключалось «нечто свыше» — его сверхчувственное восприятие. И хотя он с осторожностью относился к чудесам и всяким мистическим проявлениям, но здесь, в этой странной церкви, объяснить многие вещи можно было только мистикой и действием таинственных сил. В этом состоянии Миша услышал голос: «Есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху. У меня в темнице есть знаменитый разбойник по имени Варавва и есть Иисус, в котором ни единого греха я не нашёл смертного. Кого отпущу вам? Хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского?»

И как будто в кино увидел Миша усталое лицо прокуратора Иудеи, обращенное к толпе: кого выберут эти безумцы? Тогда раздались голоса толпы: «Не Его, нет, не Его, но Варавву».

Они выбрали Варавву. И обрекли на распятие Иисуса.

«Так это Иисус и Варавва? — подумалось. — Эти младенцы? Нет, невозможно».

Но если Иисус принял мученическую смерть на кресте, откуда взялись эти легенды? *И почему они столь живучи здесь, в Лангедоке*?

А если два младенца —*братья-близнецы*? Может, один из них — ученик Христа апостол Фома Дидим — и есть близнец Иисуса? *И слово «фома» на арамейском, и прозвище «дидим» на греческом — оба слова означают «БЛИЗНЕЦ»!*

Похоже, именно эту мысль о братьях-близнецах и хотел донести аббат Соньер до христиан. Уф! Уже одного этого предположения вполне достаточно, чтобы понять, каково было мировоззрение аббата, изобразившего Иисуса и его брата и тем самым открыто вступившего в жесткое противоречие с официальным христианским догматом. Но как такая мысль могла возникнуть? Значит, Беранже во время реконструкции церкви нашел *нечто*, что навело его на эту мысль?!

Михаил снова захотел сделать фото. Что с камерой? *Его*-камера снимать не хотела. Что-то происходит в церкви. Какие странные энергии! Он начал рассматривать церковные стены. Ого! «Флёр-де-лис»4[4]— символ королевской власти, гербовая фигура монархической Франции. И зачем цветы лилии в церкви? А что, если это также является намеком связи Магдалины, покровительницы церкви Ренн-ле-Шато,

[4] 4 Fleur-de-lys — цветок лилии (ирис).

и династии французских королей?

А еще на стенах церкви повсюду много роз. Главное украшение — Розовый Крест… Так-так, интересно… Может, роза и крест указывает на розенкрейцеров? Роза на кресте — их символ. Тайное братство, некое сообщество людей, обладающих сверхъестественными силами. Символ розы перешел к розенкрейцерам от катаров. Считается, что розенкрейцеры были способны предсказывать будущее, проникать в тайны природы, повелевать стихиями, изготавливать элексир жизни…

Роза, которая у катаров изображалась в виде цветка с лучами и олицетворяла солнце, означала *душу человека*, ключ, который он несет в себе. А крест не был крестом Голгофы, он был равносторонний, указывал на четыре стороны света. Роза и крест — *примирение веры и знания, религии и науки*. Именно Окситания стала колыбелью ордена рыцарей розы и креста. И, словно подтверждая эту мысль, Романов вспомнил пьесу Блока: «Роза и Крест», в которой действие происходит в тринадцатом веке в Лангедоке. Получается, что выбор именно Лангедока, а не германских земель, где зародился орден, в качестве места действия своей мистической драмы, неслучаен!

Блок связывает розенкрейцеров с землей катаров и альбигойских рыцарей неспроста.

Что ж это за земля такая? Сколько тайн она хранит?!

Все эти мысли калейдоскопом проносились в голове Ми-

хаила, когда он бродил по церкви. Время пролетело незаметно. Лариса чувствовала, что ее друг погружен в раздумья и мудро не тревожила его расспросами.

А когда они собрались покинуть Ренн-ле-Шато, на часах было два часа. Через полтора часа им предстояло встретиться с доктором Морелем.

Перекусить заехали в деревню Монтазель, что находилась по пути в клинику.

— Какая вкусная выпечка! В такой маленькой деревне такая хорошая булочная.

— Деревня известна не только своей выпечкой, — многозначительно произнесла Лариса.

— О! Снова тайны?

— Можно сказать... Монтазель — место рождения аббата Соньера. К тому же это место рождения Пьера Соньера — прапрадеда моего мужа. Беранже Соньер, аббат из Ренн-ле-Шато, родился на год раньше Пьера. И еще они были родственниками. До сих пор в небольших французских деревнях живут семьи с похожими фамилиями, что говорит о родстве между жителями.

Кажется, сегодня утром он зря скептически ухмылялся. И Дэн Браун наверняка точно так же поддался мистической атмосфере этих мест. Впитал легенды Лангедока, поверил в историю аббата Соньера, проникся настолько, что написал свой знаменитый бестселлер, увязав в единый тугой узел Святой Грааль, Марию Магдалину, вестготов, Меровингов,

католические братства — от реального Опус Деи до вымышленного Приората Сиона. Браун закинул наживку, заинтриговал миллионы людей, а затем выложил свои скандальные выводы! Но зачем? Миллиарды христиан свято верят, что Сын Человеческий погиб на кресте и воскрес, победив саму смерть и ее власть над человечеством.

Или все-таки Царь Иудейский на кресте не умер?

— Мы приехали, — тихонько сообщила Лариса задумавшемуся Михаилу.

«Фольксваген» оставили на парковке и направились в клинику. Пора возвращаться из лабиринтов прошлого к ребусам настоящего.

В конце концов Романов именно ради этого приехал?

Преступление

Клиника не производила впечатления чего-то грандиозного. Огороженная изящной металлической изгородью территория, ухоженный сад с цветами и декоративными кустарниками, трехэтажный основной корпус и две хозпостройки поодаль — весь комплекс занимал совсем небольшую площадь.

У стойки регистрации Лариса назвала себя и спросила, где найти доктора Мореля. Их направили на первый этаж. Мишу всегда забавляла французская система подсчета этажей:

у них счет начинается с «ре-де-шоссе» — уровня земли. То есть то, что для французов является первым этажом, для русского человека — уже второй.

Нижний этаж клиники был сплошь увешан картинами с лошадьми, а вот следующий уровень, где и находился нужный кабинет, был зарезервирован для кошачьих. Миша даже притормозил, разглядывая стены. Тигры, львы, домашние пушистики — в виде рисунков, фотографий и мультяшных набросков — были повсюду.

Мимо них проковылял старенький пациент в тапочках, неуловимо похожий на Пьера Ришара. Следом шел мужчина в голубом бесформенном балахоне, медицинском колпаке и маске. Блеснули стекла очков… Романов проводил его долгим взглядом. Знакомая походка. «У всех докторов манера ходить какая-то одинаковая», — мысленно отмахнулся он от предчувствия.

Ровно в половине четвертого они остановились перед дверью, на которой красовалась аккуратная табличка с двумя именами: «Docteur François Morel et Docteur Nicolo Lupo».

Лариса потянулась к ручке, чтобы войти.

— Погоди, — Миша жестко перехватил ее руку.

— Почему? Мы минута в минуту.

Он качнул головой:

— Не надо. Пусть он сам выйдет и пригласит тебя.

Лариса озадаченно моргнула.

— Присядь, — скомандовал Романов тоном, не терпящим

возражений. И тут же добавил мягче: — Давай обождем. Так будет правильнее.

Еще минуты три они провели в полном молчании на кушетке у кабинета. Лариса нетерпеливо переводила взгляд со стен на Мишу. К двери, запыхавшись, подошла молодая женщина.

— Мадам Соньер? — спросила она.

— Да, это я.

— Я Анна Бонье, ассистентка. Проходите, пожалуйста. Доктор Морель предупредил, что вы будете к половине четвертого... О, вы вдвоем? — она удивленно уставилась на Михаила.

Миша кивнул, он понял вопрос без перевода.

— Это мой кузен, — быстро сориентировалась Лариса. — Я говорила месье Морелю, что буду с сопровождающим.

Анна кивнула и пропустила их внутрь. Они оказались в небольшой приемной: рабочий стол, четыре мягких стула, стеллажи с архивами, раскидистый фикус у окна и воздушные шторы. Скромно, но весьма уютно. Из этой комнаты вела еще одна дверь — судя по всему, в кабинет доктора.

— Присаживайтесь, я доложу о вас.

Она небрежно бросила на стул объемистую холщовую сумку, из которой торчали два багета, зелень и какие-то свертки. Понятно: воспользовалась обеденным перерывом и сгоняла в магазин за покупками. На ходу накинув белый халат, Анна ополоснула руки и лицо у раковины. «Ну и жари-

ща», — читалось в ее утомленных движениях. Вытирая лицо полотенцем, она шагнула к кабинету, толкнула дверь, успела произнести: «Доктор, мадам Соньер ожидает...» — и истерично закричала. Михаил ринулся к ней.

Они столкнулись прямо на пороге. Анна буквально повисла у него на плечах, судорожно всхлипывая и пытаясь что-то объяснить. Михаил деликатно, но твердо отстранил девушку и шагнул внутрь.

За письменным столом, неестественно откинув голову на спинку кожаного кресла, сидел хозяин кабинета. Точнее, его тело. Сомнений не было — Морель мертв. А в приемной продолжала голосить ассистентка.

— Успокойтесь, не кричите! — приказал Миша по-русски. — Звоните лучше в полицию. Позовите директора... или кто тут у вас главный.

Кажется, стальной тон сработал. Во всяком случае, слова «полиция» и «директор» имеют похожее звучание на всех языках. Она выскочила в приемную, дрожащими пальцами схватила мобильный и набрала три цифры, потом, запинаясь, объясняла, что произошло нечто ужасное. Романов понял без перевода: слово «террибль» он сегодня уже обсуждал с Ларисой.

Миша внимательно осматривал место преступления, стараясь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.